

историко-краеведческие чтения
им. Л. И. Софийского

сборник материалов 2023 года

Опочка, 2024

Первые историко-краеведческие чтения, инициированные краеведами Опочецкого района, состоялись в 2009 году. Они были посвящены 595-летию со дня основания г. Опочки.

В 2023 году впервые прошли историко-краеведческие чтения имени Леонида Ивановича Софийского, создавшего фундаментальный труд по истории Опочки и уезда.

В чтениях принимают участие историки, краеведы, работники учреждений культуры, образования, сотрудники музеев Псковской области, Санкт-Петербурга, Москвы и других городов, школьники, активно занимающиеся изучением истории родного края, краеведы-любители. Традиционно освещаются события и факты, нашедшие отражение в архивных документах, рассказывается о героических страницах Опочецкого уезда (района), о людях, внесших заметный вклад в его развитие.

Краеведческие материалы публикуются в сборниках, которые представляют большой интерес для музеев, библиотек, школ, историков и краеведов, а также для всех, кто интересуется историей Опочецкого края.

На чтениях идет обсуждение следующих вопросов:

- ✓ из истории Опочки и округа;
- ✓ о представителях дворянских фамилий, купечества и других сословий Опочецкого уезда;
- ✓ сельское хозяйство Опочецкого уезда (района);
- ✓ производства и развитие ремесел;
- ✓ архитектурные памятники;
- ✓ Опочечкий край в годы Первой мировой и Великой Отечественной войн;
- ✓ люди, прославившие наш край;
- ✓ народные традиции, местные говоры, фольклор и многое другое.

Историко-краеведческие чтения им. Л. И. Софийского: сборник материалов 2023 года. – Опочка, 2024. – 97 с.

Содержание:

Архитектор Анатолий Подчекаев – опочецкий уроженец (краткий биографический очерк)	4
<i>Васильев В. И.</i>	
Matka Boska Częstochowska w Tierebeniach. Неоконченное исследование	15
<i>Гордин А. М.</i>	
Тайны и легенды Синеникольского погоста Опочецкого уезда Псковской губернии	27
<i>Конов Ю. Г.</i>	
Из истории строительства телевизионной вышки в Глубоком	35
<i>Филимонов А. В.</i>	
Школа II ступени имени А. С. Пушкина в г. Опочке в 1920-е годы	42
<i>Кондратеня А. В.</i>	
Из жизни педагога И. В. Егоровой (Плотниковой). Дневниковые записи	50
<i>Кург Н. М.</i>	
Опочка и уезд в конце XIX – начале XX в. в зеркале статистики (по материалам переписи населения 1897 г.)	62
<i>Григорьева О. С.</i>	
Легенды о змеях. Предания и поверья (Опочецкий район Псковской области)	66
<i>Яковлева М. С.</i>	
Крестьянство Опочецкого уезда. Воспоминания из будущего	74
<i>Гаврилов В. П.</i>	
85 лет на благо детей (из школьного фотоархива)	80
<i>Яблонская Д., Яблонская Э., Семёнова Е. М.</i>	
В. И. Тамкевич: «Здесь одинокий мой приют...»	85
<i>Яблонская Д., Яблонская Э., Семёнова Е. М.</i>	
Манит вдаль мечта моя... ..	92
<i>Кургина Г. М.</i>	

*Владимир Иванович Васильев,
председатель региональных отделений
Союза архитекторов и Союза реставраторов России
(Псков, Псковская обл.)*

Архитектор Анатолий Подчекаев – опочецкий уроженец (краткий биографический очерк)

В январе 2024 г. исполняется 145 лет с того дня, когда в Опочке – ещё довольно крупном, но уже столетие как не губернском, а уездном городе, родился будущий архитектор Анатолий Подчекаев. Отец его, Алексей Константинович, в то время служил в Опочке акцизным чиновником (говоря современным языком – в налоговом ведомстве). Род свой Подчекаевы вели от одного из тех казаков, что в 1619 г. по указу государя Михаила Фёдоровича поселились в обезлюдевших Великих Луках, незадолго до этого возвращённых под руку московского царя. Поселились, чтобы стоять на страже новых российских рубежей. Предки Подчекаева бились под Смоленском, Невелем и Себежем, усмиряли взбунтовавшийся Псков¹. Но уже к середине XVIII столетия России требовались не только и не столько профессиональные воины, сколько грамотные служащие. С тех пор большинство мужчин в роду Подчекаевых выбирали своим поприщем именно гражданскую службу, и лишь единицы – военную. Мелкими уездными чиновниками служили все прямые предки Анатолия Алексеевича: его прапрапрадед Яков Лукьянович², его прапрадед Степан Яковлевич³, его прапрадед Дмитрий Степанович⁴, его прадед Иван Дмитриевич. Чуть более высокого положения сумел достичь его дед, Константин Иванович, дослужившийся до титулярного советника.

Алексей Константинович Подчекаев – отец будущего архитектора, также начал свою карьеру с низших ступенек российской чиновничьей иерархии, в 17 лет став канцелярским служителем Холмского уездного суда⁵. В течение следующих 5 лет ему приходилось нести службу и в Пскове, и в Острове, пока по собственному прошению не обосновался в Опочке, пребывая в низшем чине коллежского регистратора и заняв должность «письмоводителя и бухгалтера» в 3-м участке 1-го Окружного акцизного управления Псковской губернии. Участок этот располагался в Опочке, а произошло это событие не ранее 07 августа 1862 г.⁶ С той поры и на протяжении более четверти века судьба

*Васильев В. И.
Архитектор Анатолий Подчекаев – опочецкий уроженец (краткий биографический очерк)*

Алексея Константиновича и его семьи была связана с Опочкой, где родились все пятеро детей: Дмитрий (24.10.1866), Владимир (08.12.1868), Антонина (25.07.1870), Валериан (29.10.1876) и, наконец, Анатолий⁷, который именно в Опочке провёл первые 8 лет своей жизни.

В августе 1888 г. Алексей Константинович, к тому времени уже надворный советник, кавалер орденов Св. Анны и Св. Станислава третьих степеней, был назначен надзирателем 4-го округа объединённого Санкт-Петербургско-Псковского акцизного управления, вследствие чего семья Подчекаевых переехала в Псков. Это было весьма кстати для Алексея Константиновича и его супруги – Августы Александровны, поскольку пришло время определять младших сыновей на учёбу. Непростой выбор между губернской гимназией и реальным училищем, стоявший тогда перед большинством родителей, был сделан в пользу реального училища, обучение в котором к тому времени уже завершили оба старших сына – Дмитрий и Владимир. Причём начинали они свою учёбу в Псковской губернской гимназии, но науки давались обоим братьям настолько тяжело, что уже в середине обучения⁸ они были переведены в Псковское реальное училище. Вполне возможно, что некоторая малоуспешность (как тогда говорили) старших братьев отчасти была следствием их оторванности от родной семьи, от родительского надзора. К положительным последствиям переезда Подчекаевых из Опочки в Псков отнесём и то, что на 130 вёрст сократилось расстояние до любимой дочери: Антонина уже год как училась в Петербурге, в Александровском училище⁹ – «младшем» отделении Смольного института благородных девиц¹⁰.

Анатолий так же, как и старшие братья, в реальном училище отнюдь не был среди первых учеников. К примеру, его итоговые оценки за IV класс были таковы: Закон Божий – «хорошо», поведение – «отлично», по всем остальным предметам – «удовлетворительно». Как минимум трижды – во II-м, III-м и IV-м классах – он оставался на второй год¹¹. Впрочем, следует пояснить, что примерно такими же «успехами» могло похвастаться едва ли не большинство учеников как реального училища, так и Псковской губернской гимназии, в чём их родители винили прежде всего учителей...

Таким образом, семилетний курс реального училища¹² Анатолий Подчекаев прошёл за 10 лет, окончив обучение только в 1899 г. будучи уже в

двадцатилетнем возрасте. Он сразу, в то же лето, подал документы для поступления в императорский Варшавский политехнический институт на инженерно-строительное отделение. Почему столичному Институту гражданских инженеров, более полувека исправно готовившему архитекторов для российских губерний, Подчекаев предпочёл учебное заведение, учреждённое всего лишь годом ранее? Почему он предпочёл Петербургу Варшаву, расположенную в три-четыре раза дальше от Пскова? Ответить на эти вопросы мог бы только сам Анатолий Алексеевич, а мы можем лишь высказать предположение. Четырьмя годами раньше, в июле 1895 г. старший брат Анатолия, Владимир Алексеевич (тогда уже – офицер), пишет своей невесте, собирающейся посетить Варшаву: *«Всё же это столичный город, в котором много можно найти интересного, а особенно много древностей* [это тоже могло стать важным фактором для Анатолия, когда он выбирал место своей дальнейшей учёбы: интерес к древностям возник у младшего Подчекаева с детства – В. В.]. *Брат мой Дмитрий подробно описывал мне этот город»*¹³. Из этого упоминания мы можем сделать вывод, что самый старший из братьев, Дмитрий Алексеевич, о судьбе которого нам известны лишь некоторые вехи, какой-то период жил в польской столице, передав домочадцам своё очарование Варшавой. Более того, вполне возможно, что в указанные годы (кон. XIX в.) Дмитрий Подчекаев жил в столице Царства Польского постоянно. В этом случае Анатолий, в случае зачисления его в студенты Варшавского политехнического, мог бы жить у старшего брата – и дешевле, и родителям спокойнее.

Но данному (скажем откровенно – смелому) предположению нужны доказательства, которые пока не обнаружены. А фактом, причём документально подтверждённым, является обучение А. А. Подчекаева на инженерно-строительном отделении Варшавского политехнического института с 1899 по 1905 г. Причём и здесь, как и в реальном училище, науки давались Анатолию Алексеевичу с трудом: например, первый курс он смог закончить лишь со второй попытки, будучи оставлен в нём на второй год.¹⁴

А в 1904-1905 гг. в обучение вмешалась революция. Варшавский политех, в котором 9 студентов из десяти были поляками, перманентно настроенными оппозиционно к имперской власти, был, естественно, вздыблен студенческими

волнениями – да настолько, что в 1905 г. он был закрыт и даже переведён в Новочеркасск. Анатолий Подчекаев не поехал в столицу донского казачества (а как бы славно завернулся сюжет: потомок старинного казацкого рода – в казацком краю!..). После двухгодичного перерыва в обучении он перевёлся из Варшавского политехнического в Рижский.

Почему же опять не в Петербург, а в Ригу? Да, наверное, по схожей причине: Дмитрий к этому времени женился на латышке (о ней поговорим позднее) и, судя по всему, обосновался на постоянное жительство в самой Риге, либо в одном из её предместий – форштадтов, как тогда говорили.

Второй – рижский этап своего институтского периода обучения, начавшийся 01.09.1907, Анатолий Подчекаев прошёл гораздо уверенней и успешней, чем первый, варшавский. Об этом свидетельствует диплом с отличием, с гордостью хранящийся в семье наследников архитектора. В списке студентов Рижского политехнического мы находим любопытную деталь, малозначительную для многих моих современников, но отражающую важную черту тогдашней российской жизни: в обязательном для того времени указании об отце студента слова «пот[омственный]. дворянин», написанные первоначально (вероятно, со слов самого Анатолия Алексеевича), были зачёркнуты, а вместо них ниже приписано «сын Коллежского Советника»¹⁵. Да, род Подчекаевых получил потомственное дворянство за заслуги Константина Ивановича, но в дворянскую книгу Псковской губернии (да и других губерний тоже) Подчекаевы внесены так и не были: эта процедура требовала затрат и хлопот, а неуклонная демократизация российской общественной жизни делала дворянские привилегии всё менее существенными. Для Анатолия Алексеевича следствием описанных обстоятельств стало то, что канцелярия Рижского политехнического, не дождавшись документа о подтверждении дворянства, внесла поправку в список студентов, о которой мы уже упоминали.

В 1910 г. для Подчекаева, триумфально вернувшегося на родную Псковщину, начался короткий, длившийся чуть более 9 лет, период активной профессиональной деятельности. При этом вторая половина этого периода пришлась на эпоху потрясений, начавшуюся Великой войной, продолжившуюся двумя революциями, а закончившуюся отъездом Анатолия

Васильев В. И.

Архитектор Анатолий Подчекаев – опочецкий уроженец (краткий биографический очерк)

Алексеевича из России. Этот псковский период А. А. Подчекаев начал в должности псковского епархиального архитектора, одновременно (это было дозволено начальством при условии, что сторонняя практика не будет мешать выполнению должностных обязанностей) работая и над частными заказами. К сожалению для опочан, я пока не смог найти свидетельств о работах Подчекаева в его родном Опочецком уезде. Та заветная, почти мифическая серая записная книжка, которую неоднократно упоминал Н. Ф. Левин и в которой архитектор отражал все свои постройки, проекты и поездки, до сих пор нигде не обнаружена¹⁶. Но и в ней, судя по записям Натана Файвесовича¹⁷, Опочецкий уезд не упомянут. Впрочем, отнюдь не исключено, что дальнейшие поиски (мои собственные, либо моих коллег) увенчаются успехом в этом направлении. Не будем забывать и о том, что в обязанности епархиального архитектора входил надзор за строительством и ремонтом всех епархиальных зданий – не только церквей, но и домов для причта, церковных школ. И если выяснится, что такое строительство или ремонт происходили в Опочецком уезде с 1910 по 1919 г., то епархиальный архитектор Подчекаев неизбежно должен был быть причастным к этому.

Наконец, инженер-архитектор А. А. Подчекаев, как и большинство его коллег, участвовал в работах по строительству военных дорог и фортификационных сооружений в годы Великой войны. Не исключено, что в этой своей ипостаси он служил и на территории Опочецкого уезда, который с 1916 г. стал фактически прифронтовым. Тем более, что с 01.05.1914 он ещё и служил инженером в Шоссейно-техническом отделе Псковского губернского земства¹⁸, так что дороги Опочецкого уезда должны были быть хорошо ему знакомы. Всё это, повторим, – программа для дальнейших архивных поисков.

В данной публикации мы не будем подробно говорить обо всех постройках и проектах «псковского» периода в творчестве Подчекаева – им посвящено немало строк в работах других краеведов¹⁹. Заметим только, что с началом войны проектная активность Анатолия Алексеевича почти не угасла, но строительные работы были заморожены или вовсе отложены вследствие резкого уменьшения их финансирования.

Будучи человеком искренне православным, и придерживаясь монархических убеждений, Подчекаев не принял Октябрьскую революцию.

Васильев В. И.

Архитектор Анатолий Подчекаев – опочецкий уроженец (краткий биографический очерк)

Однако не стал участником вооружённого сопротивления, а как бы «отошёл в сторону». Сведения о его деятельности в период немецкой оккупации мною пока не обнаружены. Но спустя год, когда Советская власть в Пскове была восстановлена, Анатолий Алексеевич практически сразу²⁰ принял предложение председателя Псковского Губсовнархоза Михаила Гавриловича Иванова²¹ и занял должность заведомо городского строительства. Причина понятна и естественна: позади голодный год, *«на иждивении – мать и жена, не имеющие заработка»*²². В этой ситуации оклад в 840 руб., полагающийся к предложенной должности, давал возможность хотя бы не умереть с голоду. И, как сделка с дьяволом, собственноручное заверение в анкете: *«В партии не состою, сочувствую Советской платформе»*...

В эти дни, тяготящие неопределённостью и непредсказуемостью будущих событий, Анатолию Подчекаеву удалось повидаться с братом Дмитрием, возвращавшимся из трёхлетнего германского плена в Ригу проездом через Киев (где встретился с братом Владимиром) и Псков²³. Названные обстоятельства говорят о том, что такой транзит мог произойти только по территории, оккупированной кайзеровскими войсками. Следовательно, в Пскове Дмитрий Алексеевич, бывший зауряд-капитан Усть-Двинской крепостной вооружённой рабочей роты, мог оказаться не позднее середины ноября 1918 г. Во всяком случае, в списках бывших военнопленных, составленных псковскими властями в советский период, Д. А. Подчекаев пока не обнаружен. Да и каким образом он пробрался бы в Ригу через линию фронта?..

Прошло чуть менее полугода – и Советская власть в Пскове вновь свергнута, и опять ненадолго: уже в конце августа к Пскову снова подступила Красная Армия. Подчекаев не стал искушать судьбу и в третий раз испытывать милосердие рабоче-крестьянской власти: в середине августа он предпочёл присоединиться к родителям жены, покидавшим Псков (конечно, временно!) вместе с обозами белоэстонцев и Северо-Западной армии.

Так начался последний – «эстонский» – период в жизни А. А. Подчекаева. Творческие вехи этого периода в значительной степени уже обозначены в различных публикациях, подготовленных, в т. ч., и автором этих строк²⁴. Но наиболее полно подчекаевское творчество эстонских лет описано в статьях и в монографии Роберта Тройфельдта²⁵. Поэтому предложу наиболее

Васильев В. И.

Архитектор Анатолий Подчекаев – опочецкий уроженец (краткий биографический очерк)

дотошным читателям ознакомиться с указанными в ссылках статьями, а дорогих моему сердцу опочан прежде всего интересуется, естественно, вопрос: в какой степени эмигрант Подчекаев сохранил на чужбине память о родных местах?

Да, несомненно, память о Родине жила в нём до последних его печальных дней. И доказательством этому служат не только вышитая косоворотка, которую он вдруг надел для домашней фотографии с близкими ему людьми, но и картина с видом на псковский Кремль, висящая на стене тартуской квартиры. Он продолжал непостижимым образом в течение считанных дней получать из новой России весточки о том, что происходило с оставшимися там знакомыми ему людьми²⁶. Да и работа его в Печорах – старинном русском городке, волею политиков оказавшемся на 20 лет в составе Эстонской Республики, разве не продолжение работы в России?

Наступил 1937 г., и эстонские деятели культуры (в то время политика «отмены русской культуры» ещё не стала модной в эстонском обществе) негромко, но всё же отмечали печально-светлый юбилей – 100-летие, прошедшее после гибели А. С. Пушкина. Популярная в Эстонии газета «Postimees» опубликовала интервью, взятое анонимным журналистом у русского архитектора Подчекаева (как-никак он по-прежнему пользовался авторитетом у местной интеллигенции, хотя к тому времени уже 12 лет как оставил должность городского архитектора). В этом интервью, опубликованном на эстонском языке и потому оставшемся в России практически незамеченным, Анатолий Алексеевич рассказал о том, что его интерес к русским древностям и русской истории возник у него ещё в шестилетнем возрасте, когда мальчик Толя сопровождал отца в его служебных поездках по Опочечкому и прилегающим уездам (надо ли напоминать опочанам, что Пушкиногорье входило тогда в Опочецкий уезд?). Анатолий Алексеевич вспоминал, что вместе с братом (вероятно, подразумевая Валериана²⁷) приходил в кабинет к отцу послушать рассказы человека, знававшего Пушкина в годы его михайловской ссылки. Но «изюминкой» воспоминаний был некий памятный медальон, напрямую связанный, по убеждению Подчекаева, с Пушкиным. Этот медальон Анатолий Алексеевич приобрёл, по его словам, примерно в 1917 г., купив его у некоего крестьянина.

Васильев В. И.

Архитектор Анатолий Подчекаев – опочецкий уроженец (краткий биографический очерк)

Воспоминания Подчекаева в целом и рассказ о медальоне в особенности, не привлёкшие внимание в 1937 г., были тщательно проанализированы С. Г. Исаковым – авторитетным исследователем русской культуры в Прибалтике 1920-1930-х гг. Не вижу смысла пересказывать этот анализ в настоящей работе, отсылая наиболее любознательных к первоисточнику²⁸, где Сергей Геннадьевич детально комментирует все аспекты этой темы. При этом уважаемый (к сожалению, ныне покойный) и очень авторитетный культуролог не ставит под сомнение причастность медальона к пушкинской эпохе. Однако не менее уважаемый мною петербургский исследователь Л. Н. Летягин именно в этом и сомневается. Анализируя характер стилистического оформления медальона, он полагает наиболее вероятным временем изготовления вторую половину XIX в.

Принципиально важным уточняющим моментом в атрибуции медальона Лев Николаевич считает гравированную на нём памятную надпись: *«Воспоминанием живет душа моя»*. Дело в том, что эта стихотворная строка принадлежит отнюдь не Пушкину, а поэту Я. Б. Княжнину²⁹. Использование Пушкиным в надписи-посвящении стихотворной строчки «переимчивого Княжнина», действительно, представляется крайне маловероятным.

Для меня аргументация Летягина тем более убедительна, что мне известен как минимум ещё один достоверный случай, когда Анатолию Подчекаеву, азартнейшему собирателю предметов искусства, продали подделку под картину известного художника.

Заметим, однако, что упомянутый медальон мог всё же представлять для А. А. Подчекаева определённый мемориальный или коллекционный интерес, поскольку Яков Княжнин родился и провёл своё детство в Пскове.

В любом случае замечу: за год с небольшим до своей смерти Подчекаев, неизлечимо больной раком и прекрасно знавший о неотвратимости скорого конца³⁰, после почти двадцатилетней добровольной разлуки с Родиной вспоминает именно то, что связывает его с утраченным, но оставшимся в сердце Отечеством, с опочечким краем – *«любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам»*³¹.

Он, к сожалению, не успел в полной мере передать эту любовь своим детям по причине их малых лет: сыну Владимиру в день похорон Анатолия

Алексеевича исполнилось лишь 7 лет, дочке Ире было 10 лет. К тому же, как вспоминала его дочь И. А. Калитс (урождённая Подчекаева) в нашей личной беседе, в последние годы мама вследствие особенностей тяжёлой болезни отца почти не подпускала к нему детей. И здесь очень кстати оказалась помощь Елизаветы Ивановны Подчекаевой³² – той самой «латышки Лизы», вдовы Дмитрия Алексеевича Подчекаева, которая приехала в Тарту и нянчила поздних детей Анатолия Алексеевича. Сама же Ирина Анатольевна, воспитанная в эстонской культуре, почти всю свою жизнь посвятила медицине и мало интересовалась, по собственному её признанию, прошлым своего папы. Лишь в последние свои годы (И. А. Калитс умерла в январе 2023 г., не дожив трёх месяцев до 95-летия), в т. ч. под влиянием наших бесед, она стала многое вспоминать и по-иному оценивать. А вот с Владимиром Анатольевичем я даже побеседовать не успел: он скончался в 2009 г., и тоже (как и отец) от рака. К тому же, по словам его сестры, Владимир исследовал почему-то лишь линию матери, Е. В. Подчекаевой (урождённой Родионовой).

Их обоих, да ещё и вдову А. А. Подчекаева – Елену Викторовну, застал патриарх нашего краеведения Н. Ф. Левин, встречавшийся со всеми троими ещё в конце 1970-х гг. Однако далеко не всё узнанное и услышанное Натаном Файвесовичем вошло в его публикации на эту тему, и крайне скудны материалы из его личного архива, переданные в ГАПО его наследниками. Вот по этой причине я, не в первый раз видя печальную судьбу неопубликованных находок, стремлюсь как можно чаще рассказывать о них вам, уважаемые краелюбы!

Приложение

А. А. Подчекаев –
выпускник Псковского
реального училища,
1899 г. (ГА РФ, ф.1250,
оп.1, д.2896)

Представительский
фотопортрет архитектора
Анатолия Подчекаева
(г. Тарту, вторая пол. 1920-х гг.
Фотография из архива
И. А. Калитс)

А. А. Подчекаев с женой
Еленой Викторовной и
сыном Владимиром
(г. Тарту, ок. 1933 г. Фотография
из архива И. А. Калитс)

В. А. Подчекаев
(г. Ленинград,
конец 1980-х гг. Фотография из
архива наследников
А. А. Подчекаева)

И. А. Калитс, урождённая
Подчекаева
(фотография автора, 2015 г.)

Васильев В. И.
Архитектор Анатолий Подчекаев – опочецкий уроженец (краткий биографический очерк)

- ¹ Петров С.Г. Блики времени (к истории великолукских дворянских родов) / Великолукский вестник (Краеведческий альманах). №2 (2012 г.).
- ² Центральный государственный исторический архив г. С.-Петербурга (ЦГИА), ф.19, оп.1, д.916.
- ³ Государственный архив Псковской области (ГАПО), ф.39, оп.1, д.1425, л.148.
- ⁴ ГАПО, ф.74, оп.1, д.216, л.179-об-180.
- ⁵ Сведения взяты из формулярного списка, хранящегося в семейном архиве Подчекаевых.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Здесь перечислены только дети, сведения о которых обнаружены к моменту написания этих строк. Не исключено, учитывая высокую детскую смертность в XIX в., что в семье Подчекаевых были, помимо упомянутых, и другие дети, умершие в раннем возрасте.
- ⁸ Владимир был переведён в IV классе в 1885 г. (ГАПО, ф.8, оп.1, д.22; ф.127, оп.1, д.28), к тому времени отставая от сверстников уже на 3 года. Дмитрий также не смог окончить в гимназии IV класс и был переведён в реальное училище годом раньше – в 1884 г. (ГАПО, ф.8, оп.1, д.21, лл.16-16-об).
- ⁹ ЦГИА, ф.2, оп.1, д.12333.
- ¹⁰ В Александровское училище в последней трети XIX в. могли быть приняты дочери всех потомственных дворян, в то время как в Смольный институт – лишь те девочки, отцы которых были чином не ниже полковника или статского советника.
- ¹¹ ГАПО, ф.127, оп.1, д.68, л.75.
- ¹² Помимо шести обязательных классов, называемых «основными», Подчекаев закончил 7-й, дополнительный, именуемый «механико-технологическим».
- ¹³ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО), ф.582, оп.1, д.1155, л.153-об.
- ¹⁴ «Список студентов Варшавского политехнического института императора Николая II на 1903 1904 учебный год». Варшава, 1903. С.100-101.
- ¹⁵ Государственный исторический архив Латвии (LVVA), ф.7175, оп.1, 1908 г. Л.183.
- ¹⁶ При моих встречах и беседах с наследниками А.А. Подчекаева – с его дочерью И.А. Калитс, с его внучкой И.В. Бондаревой, со вдовой его сына С.М. Подчекаевой – все они говорили, что им ничего не известно про эту записную книжку. Но Н.Ф. Левин, судя по его записям, эту книжку видел и читал, сделав для себя пометки.
- ¹⁷ Левин Н.Ф. Псковские страницы биографии архитектора Подчекаева. / Культурное наследие Псковской земли и сопредельных территорий. Псков, 2015. Сс.22-32.
- ¹⁸ ГАПО, ф.Р-590, оп.1, д.378, л.73.
- ¹⁹ Левин Н.Ф., указ. соч.
- ²⁰ Подчекаев был принят на службу через четыре дня после освобождения Пскова Красной Армией.
- ²¹ ГАПО, ф.Р-590, оп.1, д.378, л.145.
- ²² Там же, л.73.
- ²³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 6003, оп. 2, д. 1557.
- ²⁴ Васильев В.И. 1) Город Печоры Псковской области как объект архитектурного туризма / Культура. Искусство. Реставрация, вып. №1, ч. 2 «Культура». С.-Пб, 2015. 2) 17 строчек в словаре / «Псковская провинция», №2 (9906) от 16.01.2019 г. 3) Вспоминая архитектора Подчекаева / «Вестник Тарту» от 27.01.2019. 4) Сельские храмы архитектора Анатолия Подчекаева / Сборник докладов IV-й Научно-практической конференции «Сельские храмы: незабытое». Изборск, 28-29 июля 2022 г.
- ²⁵ Treufeldt Robert. Arhitekt Anatoli Podtšekajev // Kunstiteaduslikke Uurimusi. 3–4 (13). Tallinn 2004.
- ²⁶ Например, весной 1928 г. он в течение не более пары недель узнал о смерти мужа своей сестры – Богушевского А.К. (по материалам рабочего архива А.А. Подчекаева).
- ²⁷ Вероятнее всего, братья Подчекаевы, вследствие разницы в их возрасте, дружили «парами»: Дмитрий (1866 г.р.) с Владимиром (1868 г. р.), а Валериан (1876 г. р.) с Анатолием (1879 г. р.). Когда Анатолию было 6 лет (ок. 1885 г.), старшие братья уже заканчивали своё обучение в Пскове.
- ²⁸ Исаков С.Г. Медальон с зелёным изумрудом / Вышгород, №№1-2. Таллин, 1999 г.
- ²⁹ Любопытно, но эта строка не вошла ни в одно из известных изданий творчества Я.Б. Княжнина, но эту строку с указанием авторства Я. Княжнина использовал Ф.Н. Глинка в качестве эпиграфа к своему стихотворению «Мечтания на берегах Волги» – Глинка Ф.Н. «Стихотворения» – Л. Советский писатель (Л. отд.), 1961. с 44.
- ³⁰ Онкология была диагностирована у Подчекаева ок. 1935 г. Ко времени упоминаемого интервью Подчекаев уже вернулся из Германии, где, по словам его дочери, в частной клинике была сделана последняя и безуспешная попытка вылечить его.
- ³¹ Пушкин А.С. «Два чувства дивно близки нам».
- ³² ЕАА, ф.4414, оп.2. д.1414.

Васильев В. И.

Архитектор Анатолий Подчекаев – опочецкий уроженец (краткий биографический очерк)

Александр Михайлович Гордин,
кандидат искусствоведения,
научный сотрудник Государственного Эрмитажа
(Санкт-Петербург)

Matka Boska Częstochowska w Tierebeniach.

Неоконченное исследование

Валентине Вениаминовне Мицовой
в год 33-летия нашего знакомства
– «Твоя от твоих»

Нет, несмотря на латиницу в заглавии, имеется в виду вовсе не Terebiń, село Люблинского воеводства Польши, в котором, кстати, тоже есть деревянная церковь, а наш псковский уголок. Известность находящейся в Теребёнях диковинки – списка прославленной чудотворной Ченстохóвской (Ясногúрской) иконы Божией Матери – уже перешагнула границы Опочецкого уезда. На ее счет выдвигались в недавнее время самые смелые, чтобы не сказать фантастические, гипотезы¹. В 2016 году икона в числе раритетов теребенской церкви выставлялась в Гатчинском дворце-музее². Кажется, именно этот ее краткий «выход в свет» послужил толчком к появлению вольных, но легко узнаваемых подражаний, продающихся теперь через интернет-магазины икон.

Однако много ли мы знаем о теребенском списке (ил. 1)? Первый закономерно встающий вопрос: как и когда очутился он в Теребёнях? Откровенно говоря, возникала мысль, что произошло это отнюдь не в кутузовские, а в достаточно близкие к нам времена. Еще в 1980-е годы, со слов хранителя Святогорского монастыря и лучшего знатока местных древностей Михаила Ефимовича Васильева, приходилось слышать рассказ о священнике или выдававшем себя за священника аферисте откуда-то из южных областей, при участии которого из церкви ушло несколько ценных икон. Потом был суд, что-то чуть ли не из таможни вернули, но далеко не всё и, кажется, даже «вернули» что-то чужое... Позже, уже в начале нашего века, при работе в архиве выяснилось, что церковная опись 1827 года указывает на интересующем нас месте в иконостасе Варваринского придела совсем

¹ См. о них: Яковлева М. С. Опочка в зеркалах легенд. Псков, 2016. С. 44–46. О самой Ясногурской иконе см., в первую очередь, перевод опубликованной в 1972 г. прекрасной статьи реставратора Рудольфа Козловского: <http://czestochowa.ru/icon/kozlowski/>.

² «Столичное барокко из церкви древнего погоста», 25–31 декабря 2015 г. Вещи были вывезены в музей-заповедник «Гатчина» на период ремонта храма (благодарю за уточнения хранителя дворцовой церкви ГМЗ «Гатчина» Т. А. Кустову).

иной образ. *«Въ первомъ поясъ... на левой сторонѣ образъ казанской божіей матерѣ наней венець жестеной и наисусъ христъ таковойже подѣ борóдникъ какъ на божіей матерѣ так и на Іисусъ христъ пошельковой матерѣи вышетыи серебромъ, и наручкахъ божіей матерѣи унизано жемчугомъ крупнымъ и мелкимъ крупнаго щетомъ 78^{мб} мелкаго 69^{мб} преднею лампада висящая медная»* (ГАПО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3403. Л. 7).

Описи вторит метрика 1887 года из архива бывшей Императорской Археологической комиссии: *«въ иконостасе придѣла съ лѣвой стороны притвора икона Божіей Матери Казанской, на ней венѣцъ и убрусъ серебряные старинные»* (РА ИИМК РАН. Р-III. Д. 5379. Л. 10)³. Казалось бы, вывод ясен: в XIX веке на месте нынешней Ченстоховской стояла вполне обычная, разве что щедро украшенная жемчугом, Казанская. Действительно, как можно в здравом уме окрестить нашу икону Казанской? Ведь они так несхожи... Но тут-то и закрадывается сомнение. Опись упоминает жемчужную обнизь «наручкахъ божіей матерѣи», но особенность иконографии Казанской состоит как раз в том, что ручек Богородицы не видно, а видно одно только правое плечо. Сомнение усиливает и почти обязательный подквадратный формат Казанской, не соответствующий прямоугольнику иконостасной рамы. Стало быть, для иконы требовался киот или какие-то надставки сверху и снизу, но о них в описи нет ни слова. Вместе с тем список Ченстоховской идеально подходит по высоте к раме, словно бы та для него и делалась. Лишь боковые поля и два-три сантиметра фона иконы оказались опилены, но при переносе старых образов в новые «рамочные» иконостасы такое бывало нередко. Указанные описью венцы, «подбородники», они же подбородки, гривны или цаты⁴ — под головами Богоматери и Младенца, а также жемчуг «на ручкахъ», говорят о том, что живопись была довольно основательно скрыта. Быть может, это и в самом деле создавало некую призрачную иллюзию сходства с Казанской?

Замечание метрики 1887 года по поводу названной иконы, а также подписного, датированного августом 7192 (1684) года образа Покрова Богородицы, *«иконы старые, имѣють нужду въ обновленіи»* вполне приложимо к теребенской Ченстоховской, ибо капитальное поновление ее живописи, а также оклад, с расчетом

³ Выписка сделана Е. В. Христофоровой, в ту пору сотрудницей Пушкинского заповедника, и любезно предоставлена среди прочих материалов хранительницей теребенской церкви В. В. Мицовой.

⁴ См.: Гордин А. М. Церковное серебро XVI–XVIII веков из Опочки в собрании Псковского музея // «Родники истории края любимого». Материалы историко-краеведческих чтений 2021 года. Опочка, 2022. С. 17–18.

на который это поновление производилось, по убедительному заключению художника-реставратора, давнего друга Теребеней, Тамары Вадимовны Митиной, следует отнести к самому концу XIX, если не к началу XX века. Мелкие дырочки от крепления снятых венцов и низок жемчуга могли загрунтовать и закрасить: обратим внимание на полную переписку не только рук и лица Богоматери, но мафория на Ее голове. Не ранее этого момента диаметр нимбов был существенно уменьшен, а их позолота освежена аурипигментом. Наличие записи хорошо заметно и на шее Младенца. А вот Его красный хитон, хитон Марии вместе с монистом, «коруны», характерные шестиугольнички с надписями и часть необычного, очевидно имитирующего металлический оклад, пестрого фона из широких и тонких синих и красных мазков на некогда голубовато-зеленом поле, похоже, переписаны не были. Ведь их отныне прикрывал оклад.

Если под именем Казанской в документах, действительно, скрывается дошедшая до нас Ченстоховская, которую просто не умели правильно назвать, то это, в первую очередь, означает нахождение образа в Теребених на протяжении, как минимум, двух с половиной столетий: Варваринский придел, напомним, по надписи на алтарном кресте, был освящен в 1778 году⁵.

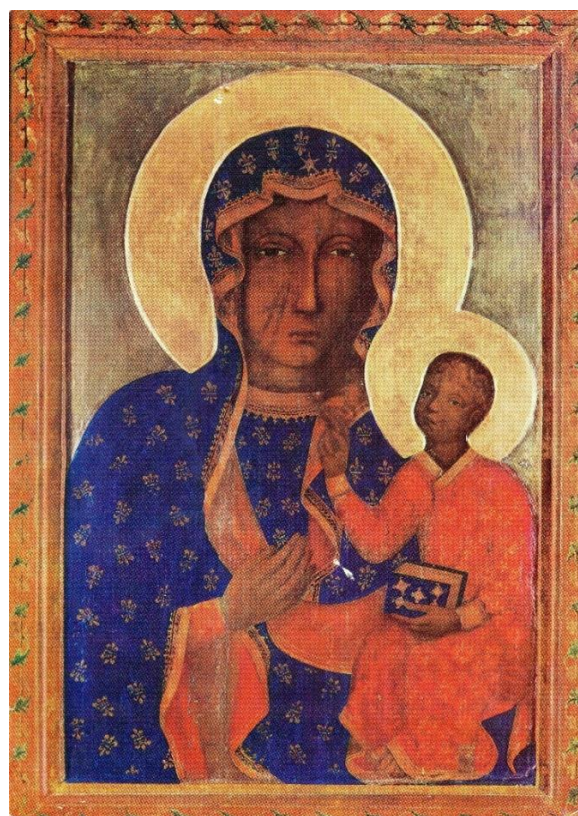
В любом случае, довольно чудная выходит история. Ведь существует, если так можно выразиться, «казанская» Ченстоховская – список, преподнесенный в 1813 году монахами осаждавшему Ясну Гўру генералу князю Ф. Г. фон дер Остен-Сакену и переданный затем М. И. Кутузову, который отправил список в Петербург. Там его поместили в новопостроенный Казанский собор, ставший тогда же местом упокоения самого Кутузова. (Ныне образ хранится в петербургском Музее истории религии⁶). Если же вспомнить, что осенняя Казанская празднуется в память изгнания из Москвы польских интервентов, то смешение двух икон окажется еще курьезней.

⁵ Лагунин И. И. Загадки сельского храма. Храм Воскресения Словущего погоста Теребени // «Памятью жива Россия». Материалы историко-краеведческих чтений 2013 года. Опочка, 2014. С. 46–47.

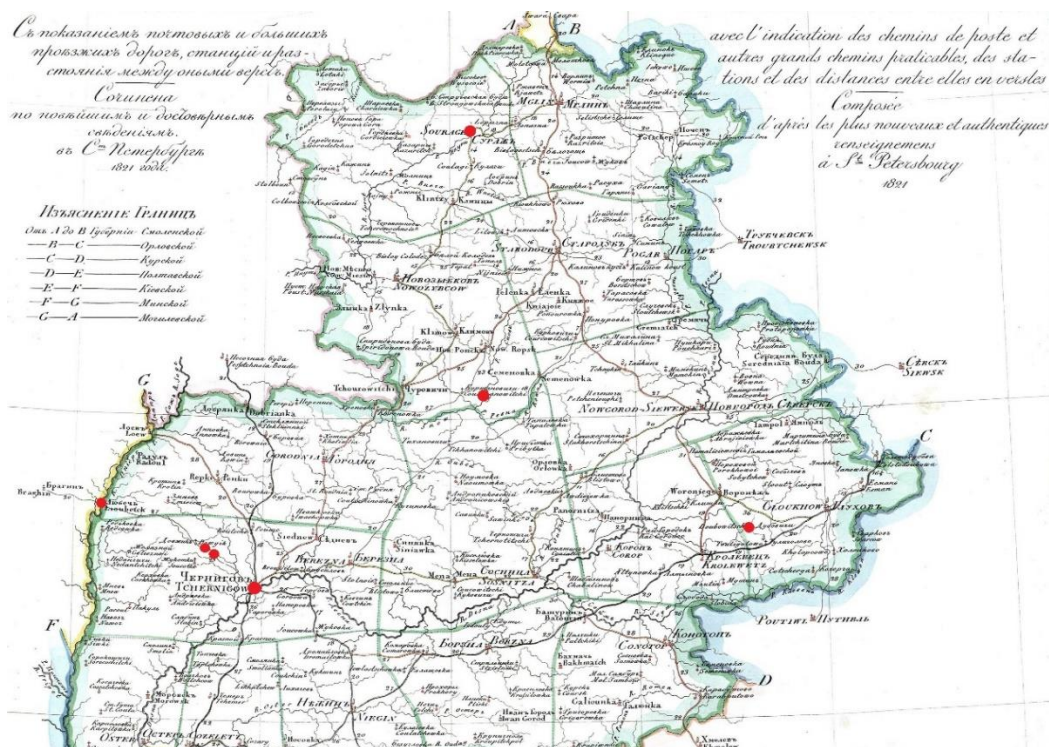
⁶ Здесь и далее информация без указания источника получена из перекрестного анализа различных Интернет-публикаций.

Ил. 1. Тербенский список Ченстоховской иконы Божией Матери. Рубеж XVII–XVIII вв. под записями конца XIX – начала XX в. Фото А. А. Савкина, 2010-е гг. (получено при содействии художника-реставратора Т. В. Митиной)

Ил. 2. Ченстоховская икона. Живопись начала 1430-х гг. на древней доске. © Emil Fink Verlag, Stuttgart (Fink-Kunstkarte Nr 6066). Снимок показывает икону после расчистки и реставраций XX в., без корон, ризы и привесов, которые закрывали ее все предшествующие столетия

Ил. 3. Часть карты Черниговской губернии (1821) с указанием мест почитания чудотворных списков Богоматери Ченстоховской

Гордин А. М.
Matka Boska Częstochowska w Tierebeniach. Неоконченное расследование

Предположение о появлении иконы в Теребенях до 1778 года, как ни важно оно само по себе, еще не дает ответа на вопрос о ее происхождении. Не может ли, однако, подсказать нам что-то сам образ?

Не раз уже, в частности Мариной Станиславовной Яковлевой⁷, отмечалось, что вопреки сравнительной близости теребенского списка к польскому оригиналу (ил. 2), в нем намного усилен поворот головы Богоматери к Младенцу. Хотя, как сказано выше, голова Богоматери на теребенской иконе сильно переписана, к данной особенности стоит приглядеться. По той простой причине, что, в большей или меньшей мере, она присуща сразу нескольким спискам Ченстоховской, чтимым в Православной Церкви под иными именами: Любечская или, правильнее, Любецкая, Руденская или Руднянская, Мохнатинская, Дубровицкая (Дубовичская), Новодворская. За исключением последнего, все эти имена – производные от названий сел и местечек Черниговщины, в которых указанные иконы прославились чудотворениями (ил. 3); еще минимум одна – Озерянская, она же Азарянская икона, связана с соседней Слобожанщиной, где слывет покровительницей Харькова⁸. Откуда же вдруг в тех краях столько чтимых списков Ченстоховской, восходящих в большинстве к XVII веку? Оказывается, обезлюдевшая вследствие войн Черниговщина активно заселялась в период принадлежности ее Речи Посполитой, с 1618 по 1648 год, когда всепольское почитание Ясногурского образа как раз набирало силу⁹. Касательно села Рудни, где в 1687 году произошли особенно громкие чудеса, имеется прямое указание, что она была основана польским шляхтичем. Широко чтимую Новодворскую икону доставили в Чернигов непосредственно с территории Польши из-под Пинска, правда из православного монастыря, где, видимо, опасались захвата ее униатами: случилось это около 1720 года, причем почти тут же из черниговского Ёлецкого монастыря икону перенесли в новоустроенный Благовещенский монастырь в Суреже, что ныне на Брянщине¹⁰. Мохнатинская, Озерянская и Новодворская иконы, в меньшей степени

⁷ Яковлева М. С. Опочка в зеркалах легенд. С. 45.

⁸ Православная энциклопедия. Т. 42. М., 2016. С. 37–40; Т. 47. М., 2017. С. 517–519; Т. 51. М., 2018. С. 585–588; Т. 52. М., 2018. С. 473–475 (статьи доступны online, автор – И. В. Злотникова). В известной книге Е. Н. Поселянина «Богоматерь. Полное иллюстрированное описание Ее земной жизни и посвященных Ее имени чудотворных икон» и других изданиях Руденская икона ошибочно отнесена к местечку Рудня, тогда Могилевской губернии, ныне же Смоленской области, которое до 1772 года пребывало в составе Речи Посполитой.

⁹ Благодарю за эти и другие сведения доцента Черниговского, а в настоящий момент Варшавского университета, археолога Елену Евгеньевну Черненко. Ею же любезно указана одна из воспроизводимых икон (ил. 7).

¹⁰ Barysenka V. Dzieje ikony Matki Bożej Nowodworskiej w czasach nowożytnych // Perspektywy kultury. T. 38. Nr 3: Studia o kulturze cerkiewnej w granicach dawnej Rzeczypospolitej. 2022. S. 137–145. В статье Православной энциклопедии история иконы, к сожалению, освещена неточно.

Дубровицкая, судя по гравюрам, снимкам и копиям (ил. 4-7), смахивают на настоящие польские, предназначавшиеся либо для личного благочестия, либо для костёлов и каплиц. Хотя ни в текстах церковных писателей XVII-XVIII веков, ни, тем более, в народных преданиях о названных иконах об их чудотворном Ченстоховском прообразе, насколько известно, умалчивалось. Мало того, Любецкую и небольшую, писаную на холсте, Озерянскую икону считали явленными, причем первой из них приписывалась большая древность¹¹. Новодворскую, как минимум с XVIII века, искренне принимали за ту, что, согласно житию, написал легендарный основатель Новодворской обители, будущий митрополит Киевский и всея Руси Петр († 1326) – тот, что de facto перенес митрополичью кафедру в Москву, где «Петровской» слыла совсем иная богородичная икона, правда также с правосторонним расположением Младенца, несколько схожая на ... Казанскую¹².

Бесспорно, крайне соблазнительно признать теребенский образ списком не собственно Ченстоховской, а одного из перечисленных (увы, утраченных либо затерянных в годы гонений и в военное лихолетье) северо-украинских и, шире, полесских ее списков. Соблазнительно, ибо, насколько можно судить до расчистки от записей, теребенский образ исполнен, скорее, русским мастером и, видимо, еще в петровское время, о чем говорят хотя бы старомосковские «коруны» и наличие у иконы ковчега и лузги¹³. А если это так, то копирование чтимой белорусской либо малороссийской иконы выглядит гораздо естественнее, нежели копирование иконы польской. Любецкая и, особенно, Руденская благодаря перенесению их в Киев – в Софийский собор (около 1647 года) и Вознесенский девичий монастырь (около 1690 года) соответственно, а также благодаря последующему воспроизведению в гравюрах, очень рано стали известны и в Москве, и в русской провинции.

¹¹ Православная энциклопедия. Т. 42. С. 37; Т. 52. С. 473.

¹² Гусева Э. К. К вопросу об атрибуции списков иконы Петровской иконы Божией Матери // Проблемы сохранения, изучения и популяризации культурного наследия Русской православной церкви. М., 2017. С. 396–422.

¹³ Ковчег – углубленная часть лицевой стороны иконной доски; лузга – скос между полями и ковчегом иконы.

Ил. 4. «Истинное изображение чудотворного образа Пресвятой Богородицы Мохнатинской...». Литография XIX в. Фото из Интернета

Ил. 5. Дубовицкая (Дубовичская) икона. Фото из книги «Картины церковной жизни Черниговской епархии из IX вековой ея истории» (Киев, 1911. С. 133)

Ил. 6. «Изображение и мера с чудотворныя иконы Пресвятыя ... Богородицы именуемая Азарянския...». Литография 1824 г. Фото из Интернета

Ил. 7. Список суражской Новодворской иконы из Нежина, 1823 г., 67 x 47x 2,2 см. Черниговский областной художественный музей, инв. ик-91. Фото из книги «Каталог ікон з колекції музею. XVII – початок XX ст. Чернігівський обласний художній музей імені Григорія Галагана. Курач С. М., Острякова О. О., Ткач Ю. В. (редкол.)» (Житомир, 2020)

Гордин А. М.
Matka Boska Częstochowska w Tierebeniach. Неоконченное расследование

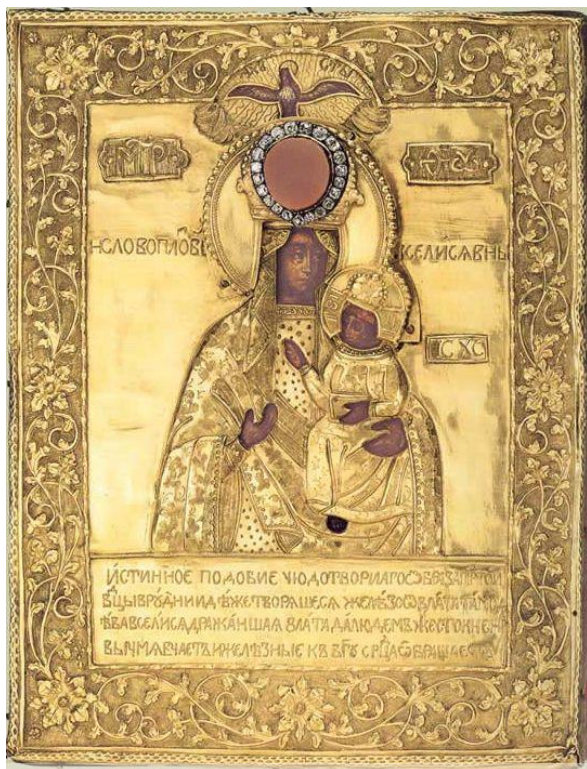
См., к примеру, икону Руденской с двенадцатыми праздниками конца XVII или начала XVIII века из Новодевичьего монастыря (ГИМ, инв. НД ИИ-275; 80 x 70,5 см), икону-пядницу того же времени с виршами Димитрия Ростовского в Эрмитаже¹⁴ (ил. 8), Руденскую с Богородицею, сидящей на престоле, первой четверти XVIII века из частного музея икон в с. Исаково Московской области (107 x 52 см). Но как раз и Любецкую, и Руденскую в силу ряда иконографических особенностей никак нельзя признать прототипами теребенской. То же приходится сказать о Мохнатинской, Дубровицкой и Озерянской, которые были к тому же, скорее, местночтимыми.

Иное – один небольшой, датированный 1734 годом, образ, представленный в Интернете в качестве списка Озерянской (ил. 9). Тут сразу замечаешь и схожие крупные черты лика Богородицы, и схожий задумчивый взгляд Младенца, и Его менее фронтальную посадку, и две торчащие из-под полы стопы – вместо одной, как на Ченстоховской и большинстве вышеупомянутых икон. Если это верно список Озерянской, то он явно комбинирует ее черты с чертами какого-то иного родственного прообраза. Отдельные детали указывают на уже рассмотренные Мохнатинскую или Руденскую, другие – на известную в петровское время даже в глубине России Новодворскую икону.

Обращение к иконографии последней дает, несомненно, более обнадеживающий, хотя и не вполне однозначный результат. С теребенской Новодворскую объединяет и, соответственно, рознит с предыдущими, не только посадка Богомладенца, но и такая заметная деталь как положение Его благословляющей десницы: не на фоне хитона Богородицы, а на фоне отворота Ее мафория, как и на подлинной Ченстоховской. А вот в других подробностях достоверные списки Новодворской между собой несколько расходятся, то совпадая, то нет с теребенским. Например, привесы из четок и цепей на персях Иисуса и Марии четко видны только на иконе раннего XVIII века из Ярославского художественного музея (ил. 10). Эта икона ближе к нашей и по ориентации правой кисти Богородицы. Зато с точки зрения посадки и наклона головы Младенца несколько ближе была утраченная (?) икона из Каменского монастыря на Черниговщине, впрочем, судя по воспроизведению, весьма поздняя либо целиком записанная¹⁵.

¹⁴ См. ниже прим. 20.

¹⁵ См.: Православная энциклопедия. Т. 51. С. 586. Письмо иконы совершенно не соответствовало эпохе ее легендарного дарителя, Лазаря Барановича, архиепископа черниговского с 1668 по 1693 год.

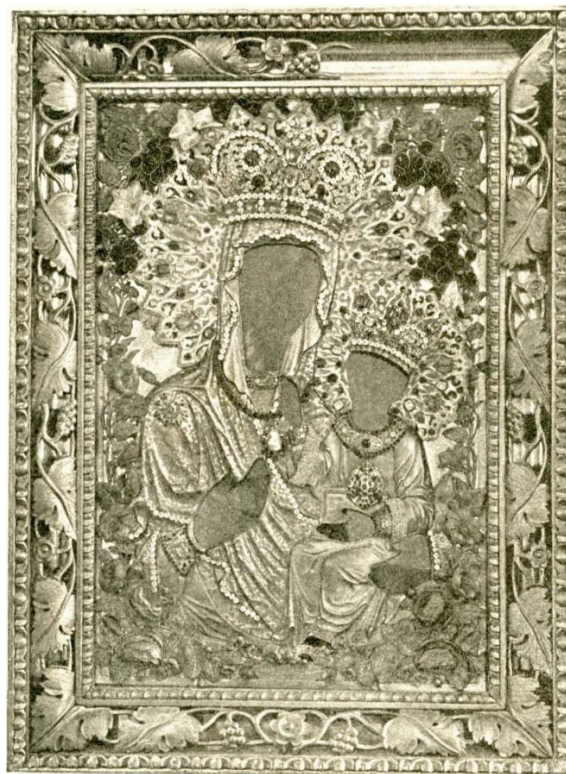
Ил. 8. Список-пядница Руденской иконы в золоченом окладе с виршами святителя Димитрия Ростовского, начало XVIII в. Государственный Эрмитаж. Фото из Интернета

Ил. 9. Список Озерянской (?) иконы, 1734 г. Фото из Интернета

Ил. 10. «Образ Пресвятой Богородицы Новодворская», начало XVIII в., 142 x 89 x 3,5 см. Ярославский художественный музей, инв. И-1798. Фото из Интернета (текст надписи на иконе уточнен старшей научной сотрудницей музея Е. Ю. Макаровой)

Ил. 11. Суражская Новодворская икона. Фото из книги «Картины церковной жизни Черниговской епархии из IX вековой ее истории» (Киев, 1911. С. 116)

Наконец, отличающий теребенский образ легкий наклон головы Матери к Младенцу уловим лишь на Новодворской-Суражской (ил. 11) и ряде ее списков (ил. 7). Хотя икона Суражского Благовещенского монастыря определенно считалась подлинной чудотворной Новодворской, признать ее общим прототипом других только что упомянутых икон, включая и теребенскую, затруднительно. Так, у суражской Новодворской гораздо сильнее выступает из-под «коруны» горизонтальный край мафория, чуть выше поднята десница Богоматери, а ниспадающая с нее пола, равно как и книжка в руке Младенца показаны с большими отступлениями от Ченстоховской, чем на теребенском списке. Многие из этих особенностей можно было бы объяснить неточностью позднего, XIX века, оклада суражской Новодворской, если бы их не было уже на Новодворской из Ярославля. Случайно или нет, на выгравированном в далеком 1680 году в Пинске украинским гравером И. Щирским изображении чудотворной Новодворской иконы подобных отступлений меньше, а посадка Младенца ближе к варианту теребенской, нежели суражской иконы (ил. 12).

Ил. 12. «Santa Novodvoria Virginis effigies». Гравюра Ивана Щирского. Пинск, 1680 г. (по: Злотникова И. В. Чудотворные иконы Брянского края и их списки. Проблемы бытования и иконографии: дис. кандидат искусствоведения: 17.00.04. М., 2011)

Вместе с тем, и это следует подчеркнуть, гравюра Щирского никак не могла быть прототипом ни ярославского, ни теребенского списка, ибо в силу малых размеров и техники множество деталей показано на ней грубей и условней, чем на иконах. (Второе награвированное Щирским изображение Новодворской, как не раз замечено, мало чем отличается от распространенных погрудных воспроизведений Ченстоховской¹⁶).

Повторения Новодворской иконы, возможно, имелись и в соседней с Опочецким уездом Белоруссии, хотя они до сих пор не выявлены¹⁷. Все ж таки

¹⁶ Barysenka V. Dzieje ikony Matki Bożej Nowodvorskiej w czasach nowożytnych. S. 138–139, il. 1, 2. Как и другая, гравюра помечена «Апо 1680. Pinski». Тот же И. Щирский позднее, уже в монашестве, неоднократно гравировал и списки Любецкой иконы.

¹⁷ Barysenka V. Dzieje ikony Matki Bożej Nowodvorskiej w czasach nowożytnych. S. 145. Благодарю автора статьи, филолога Ольгу Владимировну Борисенко, за консультацию.

большинство православных белорусов в XVII – начале XIX века пребывало в Унии с Римско-Католической Церковью, а потому здесь больше воспроизводили собственно Ченстоховский образ. Вероятно, именно благодаря сравнительной близости к нему тербенского списка, последний оказывается композиционно, за исключением положения головы Богоматери, достаточно схож с такой стилистически далекой от него иконой, как Ченстоховская второй половины XVII века из Пятницкой церкви деревни Месятичи на Пинщине в минском Музее старажытнабеларускай культуры: характерный «прищур» готической Мадонны и подобная латинской митре корона Марии с монограммой IHS снижают вероятность того, что месящичская икона воспроизводит Новодворскую.

Вольно, с какой-то сказочной выразительностью, преобразует облик Ченстоховской создатель большой иконы из гродненского Рождество-Богородицкого монастыря (в 1633-1839 годах униатского), что вследствие Первой мировой войны и последующих преследований монахинь очутилась в церкви подмосковного села Ермолина¹⁸. Понятно, что эта икона (раннего XVIII века?) совсем не похожа на тербенскую. Тем более примечателен еще более прямо обращенный здесь к Богоматери ожидаательно-вопрошающий взгляд Младенца.

Подводя итог этим заведомо запутанным сопоставлениям, можно без преувеличения сказать, что намечающиеся в иконах белорусского и украинского Полесья робкие отступления от иконографии Ченстоховской Мадонны свое наиболее осмысленное, логичное завершение получают как раз в тербенском списке или, скорее, в том, не выявленном пока, варианте Новодворской или иной иконы, который тербенский список до нас донес. Четвертной поворот головы Богоматери сопровождается здесь едва уловимым склонением к Сыну, а чуть усиленный по сравнению с Ченстоховской наклон головы самого Младенца дополняется обращенным в сторону Матери ласковым, улыбчивым, но вместе с тем задумчивым взглядом. Вдобавок, благодаря более ракурсной посадке, Младенец словно бы еще ближе придвинут к Марии, а из-под Его одежды показывается край правой стопы. На Ченстоховской сокрытие одной стопы художественно оправданно, а вот на списках из Полесья из-за отступлений в рисунке стопы уже зримо недостает (исключая Любецкую и Дубровицкую иконы и разные второстепенные копии, где она так или иначе показана). Тот факт, что особенности тербенского списка вписываются в

¹⁸ См., к примеру: <https://mosregtoday.ru/news/istorii-svyatyn-podmoskov-ya/polskaya-ikona-v-podmoskovnom-sele/>

достаточно широкую тенденцию переосмысления православными иконописцами исходных черт польской иконы, подтверждает и пример пядичной иконы 1752 года из знаменитой семьи Муравьевых-Апостолов, где вместе с правой стопой Иисуса в образ Руденской внесен и зримый наклон головы Марии (ГИМ, инв. И VIII 6284, 25,8 x 20,8 см).

Суждение о подлинном стиле любого произведения, скрытого под слоями поновлений – дело неблагодарное. Правда возможность удаления записей с теребенской иконы без риска нарушить целостность ее облика пока вызывает сомнения: под записями на ликах, указывает Т. В. Митина, в боковом освещении видны чинки и вставки левкаса, т. е. грунтовой основы. Несомненно, во всяком случае, что присущие иконе тихая гармония, мягкость, теплота, особенно в сравнении с отстраненно «холодной» Новодворской из Ярославля, присущи ей изначально, делая далеко не праздным вопрос о возможном авторстве псковского мастера, интерпретировавшего в традициях псковского искусства некий привозной образец. Едва ли, в самом деле, можно вослед отцу Георгию Мицову приписывать икону кому-то из мастеров кремлевской Оружейной палаты: большинство их работало в более сухой и «академичной» манере. А потому, прежде чем ломать голову над тем, кто и откуда привез икону в Теребенский погост, не худо бы убедиться, что ее не могли создать в пределах Псковской епархии. Чудесам неведомы державные границы, и молва об исцелениях перед Новодворской иконой могла дойти до Пскова непосредственно из Речи Посполитой. Хотя, конечно, расстояние берегов Великой было намного большим, нежели до Киева, где список Новодворской еще чуть ли не в 1620-е годы украсил собой Михайловский Златоверхий собор¹⁹. Или до Чернигова, откуда в августе 1677 года приезжал в Новый Двор на торжество перенесения чудотворного образа в новую церковь молодой иеромонах Дмитрий Туптало, будущий Ростовский митрополит и чудотворец²⁰ – к лику святых его причтут в тот самый год, что числится по документам годом постройки теребенской церкви (1757).

¹⁹ Киево-Златоверхо-Михайловский монастырь. Исторический очерк от основания его до настоящего времени. Киев, 1889. С. 97. Существование этого списка любезно указано О. В. Борисенко.

²⁰ Barysenka V. Dzieje ikony Matki Bożej Nowodworskiej w czasach nowożytnych. S. 140. В 1689 году тот же Дмитрий Туптало был у прославившейся чудесами иконы Богородицы в черниговском местечке Рудня (см. выше) и даже заказал с нее мерный список. – Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского. Т. 1. М., 1839. С. 468–469, 486–487. Критическое издание записок («Диариуша») см.: Федотова М. А. Святитель Димитрий Ростовский: Житие, Служба, чудеса: Исследование и тексты. СПб., 2022.

Юрий Геннадьевич Конов,
старший научный сотрудник Исторического отдела
Псковского музея-заповедника
(Псков)

Тайны и легенды Синеникольского погоста Опочецкого уезда Псковской губернии

В конце XIX века Синеникольский погост – центр Синеникольской волости Опочецкого уезда. В нем насчитывается 50 строений, 9 дворов, жителей – 16 мужчин и 20 женщин, деревянная церковь, часовня и кладбище, 2 синильные лавки, 2 мелочные лавки, 2 корчмы, пивная лавка. 8 мая бывает торжок. Кладбище в Синей Николе старинное. Сохранились могилы конца XIX века. На синеникольском кладбище находится загадочное захоронение. Над ним оригинальный крест, выполненный под дерево. Отчетливо видны сучки дерева, на крестовине помещена дощечка, привязанная к кресту веревкой – все искусно отлито из чугуна. К сожалению, надпись не сохранилась, возможно, она была уничтожена, так как имеются отверстия, к которым она крепилась. В народе эту могилу называют «осиновый крест». В ходе историко-археографической экспедиции 1976 года об этом памятнике упоминает Нина Петровна Осипова. *«24 мая 1976 года. ... Дальше наш путь лежал в Синюю Николу. Большое село, раньше здесь бывали многолюдные ярмарки, церковь из красного кирпича, поздняя конца XIX века, * огромная, красивая, внутри всё разрушено, а стены сохранились очень хорошо. Напротив, кладбище, старое запущенное. Есть один интересный крест, без надписи и могила уже не сохранилась. Как нам сказали ребятишки — это осиновый кол. Действительно, крест чугунный (металлический) производит впечатление живого дерева, засохшего и потемневшего от времени, с сучками и шероховатостями, крест кажется деревянным. К нему когда-то была прикреплена табличка с надписью. Надпись уже исчезла, кто похоронен – неизвестно, но крест запоминающийся».* Учитель истории Анкудиновской средней школы, краевед Светлана Николаевна Астратова собрала легенды, бытующие в связи с этим артефактом. *Бытует легенда: сын местного дворянина был связан с декабристами. Когда началось следствие и родители узнали об этом, то проклинали его. Молодой человек покончил с собой (повесился). Крест символизирует проклятие (осиновый) и то, что повесился (веревка, затягивающая пластину с надписью).*

Конов Ю. Г.

Тайны и легенды Синеникольского погоста Опочецкого уезда Псковской губернии

Под «осиновым крестом» покоится прах сына гримовского барина (имения в нескольких километрах от Синей Николы). Его сын, будучи студентом, являлся членом кружка П. Я Шевырева – А. И. Ульянова. 1 марта 1887 г. они организовали неудачное покушение на Александра III. 15 членов кружка были арестованы и преданы суду. Пятеро, в том числе А. И. Ульянов, приговорены к смертной казни. Когда начались аресты, молодой человек находился в Гримове, и, чтобы избежать ареста, покончил с собой.

Последнее утверждение имеет под собой реальную почву, если знать о драматической судьбе последнего владельца сельца Гримова Николая Семеновича Утретского.

В конце XIX века сельцо Гримова Синеникольской волости имело 22 строения. В нем проживали 9 мужчин и 6 женщин. До отмены крепостного права им владела семья Медеров, в 1859 году в нем проживала Мария Павловна Медер. Впоследствии это село приобрел местный купец Семен Петрович Утретский. В конце столетия хозяином Гримова стал его сын Николай Семенович Утретский.

Имя Николая Семеновича Утретского (1860-1897) – купца пригорода Красного и Опочецкого землевладельца, было хорошо известно в красногородском крае. 8 февраля 1884 года он венчался в Петербурге в церкви Святой Екатерины с потомственной дворянкой Варшавской губернии Юлией Яковлевной Заленской. В 1877 году она окончила в Пскове Мариинскую женскую гимназию, а её родной брат Эдуард Яковлевич Заленский был известным псковским врачом.

Николай Семенович, будучи гласным Опочецкой уездной управы, принимал активное участие в экономической, общественной и культурной жизни уезда.

Журналы Опочецкого уездного земского собрания демонстрируют нам разностороннюю деятельность Н. С. Утретского на посту гласного Опочецкой земской управы. На заседаниях земства он читает доклады по народному образованию, народному продовольствию, оценке земель.

Вопросы медицинского обслуживания на селе были в центре внимания Опочецкого земства. 6 октября 1894 года Н. С. Утретский прочитал доклад о состоянии медицинского обслуживания в уезде. В результате земство приняло ряд постановлений, улучшающих ситуацию в ряде волостей уезда. В частности, на окончательный ремонт Синеникольского приемного покоя земство ассигновало 278

рублей. Было увеличено количество коек, выделены деньги на приобретение белья и медицинских инструментов.

А между тем Николай Семенович переживал тяжелый кризис. Он убеждался в тщетности своих попыток «служить народу», в том, что он, несмотря на то, что отдавал все свои силы и свое состояние в стремлении помочь мужикам в их тяжелой доле, не встречал у них искреннего понимания и благодарности. Розданные ссуды почти никто не возвращал. И, несмотря на лстивые уверения в любви при просьбах о помощи, до него доходили враждебные и насмешливые отзывы мужиков за глаза. Он искренне тяготился своим состоянием, нечестно нажитым, как он считал, его отцом и дедом, и поэтому особенно старался помочь тем, кого обездолили купцы и помещики. Он сам считал себя выходцем из мужицкой среды, и эта непроходимая стена, которая выросла между ним и мужиками, показавшая, как далеко от них он оторвался и как он им чужд, была особенно оскорбительна для него с его народническими взглядами.

К этому прибавилось и грозившее ему разорение. Он не был дельцом, он оторвался и от купцов-родственников, и от друзей отца, но не хотел сделаться и пролетарием. Он не хотел лишиться уютного Гримова и той красивой и уютной жизни деревенского помещика, которой особенно дорожил ради жены. Ему хотелось дать эту жизнь ей, чтобы вознаградить ту, кого он горячо любил, за ее тяжелую юность, проведенную в лишениях, в работе у чужих людей. Она понимала его трагедию и мучилась вместе с ним, но не знала, как ему помочь.

Трагедия Н. С. Утретского достигла кульминационного момента весной 1896 г. Предыдущий 1895 год был дождливым и неурожайным. Крестьянская беднота с трудом пережила суровую зиму и к весне 96-го съела весь хлеб. Сеять было нечем. Уездное земство, в котором главную роль играл Николай Семенович, энергично взялось за организацию помощи. Были отпущены средства на закупку хлеба для раздачи ссуд крестьянам. Всей организацией помощи ведал он сам и решил лично провести раздачу хлеба в Острове, на станции железной дороги, куда был подвезен закупленный хлеб. В волостях были составлены списки нуждающихся крестьян. Хлеб выдавали «на семена и на емена», как говорили мужики, т.е. для посева и для пропитания. Мужики со всего уезда приехали на своих лошадях по весенней протаявшей дороге в Остров. Выдача производилась из железнодорожного пакгауза. Николай Семенович, уже хорошо знакомый в это время с мужицкой психологией,

Конов Ю. Г.

Тайны и легенды Синеникольского погоста Опочецкого уезда Псковской губернии

знал, что требовать хлеб будут не только действительно нуждающиеся бедняки, но и кулаки, не внесенные в списки, и поэтому решил лично следить за правильностью выдачи. Он с гордостью отказался от помощи полицейских стражников, которых предложил ему губернатор для соблюдения порядка во время выдачи, так как еще надеялся, что авторитет и уважение к нему крестьян будут достаточны, чтобы обеспечить этот порядок и справедливую раздачу хлеба.

Кулаки, получив отказ в выдаче им хлеба, подпоили бедняков, получавших хлеб, и громадная пьяная толпа окружила пакгауз, в котором был Николай Семенович, с криками, что он обманывает народ, прячет хлеб для себя, припоминали ему дела его отца и деда. Тщетно он пытался уговорить их, обращаясь к беднякам. Его не слушали, перебивали, заглушали его слова общим гамом.

В конце концов пьяная орава схватила его, поволокла в пустое отделение пакгауза и заперла там на ночь. Холодную апрельскую ночь он провел в этом амбаре, оскорбленный и бессильный. Утром его освободили стражники, вызванные приставом и разогнавшие толпу.

Жалкий, жестоко оскорбленный и морально потрясенный Николай Семенович вышел оттуда под охраной полицейских и, сев в свой тарантас, уехал в Гримова. Он простудился и лежал две недели. Но самым тяжелым было моральное потрясение и окончательное крушение его прежних идеалов и надежд. Он никого не хотел видеть из соседей, отсылал от себя детей. Часами ходил по саду, переживая свою жестокую обиду – отмечал в своих воспоминаниях Дмитрий Дмитриевич Бизюкин, хорошо знавший семью Утретских. Через много лет, он, обладавший несомненным литературным талантом, расскажет о трагедии этой семьи в своих мемуарах, лишь изменив фамилии: Бизюкиных на Ташлыковых, Утретских на Погосских.

Между тем его личные хозяйственные дела запутывались все сильнее, долги начинали душить, и в том состоянии полной моральной растерянности, в котором он находился, Николай Семенович не видел выхода из этого положения. И, наконец, новый удар свалился на него: у Юлии Яковлевны открылась чахотка, которая быстро стала подтачивать надорванный последними переживаниями и страданиями за мужа организм. Чтобы спасти жену, надо было отвезти ее в санаторий на юг, а средств на это не было. И вот наступила развязка. «...Все беды, разом навалившиеся на покойного, пошатнули его душевное равновесие... Обманув бдительность окружающих, под невыносимым гнетом душевных потрясений, покончил он с собой

в лесу одной из своих пустошей 16 июня 1897 года», – сообщалось в «Вестнике Псковского губернского земства».

«В бледном свете раннего весеннего утра, в кружевной зелени березы, они увидели силуэт Николая Семеновича, висящего на суку невысоко над землей с широко открытыми глазами, с растопыренными странно руками. На моего брата это произвело такое впечатление, что, приехав домой, еще не ложась спать, он нарисовал запечатлевшуюся в его глазах страшную картину. Брат был не большой рисовальщик, но, очевидно, так сильно эта картина врезалась ему в память, что его рисунок удивительно похоже и реально передает все подробности: и широко раскрытые глаза под очками, и раскрытый рот, и окладистую бороду, и очертания кудрявой березы, на которой он висел. Так реален был этот рисунок, что я живо представляю себе мертвого Николая Семеновича, точно я сам видел эту березку с ее страшным грузом на островке среди унылого кочковатого мохового болота, поросшего мелкими редкими соснами». В 1899 году скончалась Юлия Заленская.

Опочецкое уездное земское собрание решило назначить ежегодное пособие в размере 350 рублей на воспитание сына покойного Н. С. Утретского – Сергея (1886 г.р.), впредь до полного окончания курса наук. Портрет Н. С. Утретского был помещен в здании Синеникольского медицинского участка в память о человеке, «так много потрудившемся при его устройстве». Похоронили супругов на Синеникольском погосте, на родовом кладбище. Рядом с могилой предприимчивого купца с роскошным надгробием, выполненным из шлифованного темного гранита, с надписью: *«На сем месте погребено тело Семиона Петровича Утретского, скончавшегося 8 марта 1880 г.»*. Рядом такое же роскошное надгробие: *«Николай Семенович Утретский родился 04 сентября 1860 г. – ск. 16 июня 1897 г.»* и ниже *«Юлия Яковлевна Утретская родилась 15 февраля 1859 г. – ск. 15 июля 1899 г.* На обратной стороне: *Аврора Жозефина Заленская родилась 01 июля 1837 г. – ск. 02 апреля 1900 г.»* – это мать Юлии Яковлевны Утретской и теща Николая Семеновича.

После смерти Утретского имение было передано под опеку барину, жившему в Гораях, вспоминал Федор Семенович Семенов. Этим барином был барон Розен. «Сирот Погосских взял к себе барон Розен, который был назначен их опекуном. Хороший хозяин, он быстро привел в порядок дела Погосского, обнаружив, что они вовсе не были в таком плохом состоянии, как представлял себе бедный Николай Семенович. Сережа продолжал жить у Розенов, окончил гимназию и поступил в

Военно-медицинскую академию, которую не успел окончить, когда разразились война и революция. Розены бежали за границу, как будто вместе с ними уехал и Сережа. Старый дом в Горяях был сожжен.

В годы Первой мировой войны Сергей Николаевич Утретский – студент Военно-медицинской академии. Место службы 18-й передовой отряд Красного Креста частных сестер милосердия. 9 декабря 1914 года отмечен серебряной наградной медалью "За усердие" на Станиславовой ленте. Согласно статуту, эту награду получали "за отлично-усердную службу и особо ревностную службу и труды, понесенные на театре военных действий". Кроме того, за годы германской войны С. Н. Утретский был награжден Георгиевской медалью IV степени "За храбрость" и Георгиевской медалью III степени "За храбрость". По воспоминаниям Федора Семеновича Семенова: "Во время империалистической войны С. Н. Утретский был на фронте фельдшером. Возвратившись с войны, дом отца отдал под больницу, а сам уехал. Больше о нем ничего неизвестно.

Синеникольский некрополь – последнее пристанище потомственных дворян Псковской губернии Румянцевых-Бизюкиных-Вердеревских. Дмитрий Дмитриевич Бизюкин, обладая незаурядными талантами, долго колебался между историко-филологической и инженерной карьерами. Данью гуманитарным наклонностям стал замечательный исторический очерк к 500-летию Опочки «Старая жизнь в Опочецком уезде», оформленный собственными фотографиями и изданный им в 1913 г. за свой счет в Петербурге. «Перевернутые страницы» – так озаглавил Дмитрий Дмитриевич свои воспоминания, которые после его смерти (1954) до сих пор были опубликованы лишь частично. Они живо передают детали быта помещицкой усадьбы и вообще атмосферу конца XIX – начала XX века. В рассказе «Поэтесса» Дмитрий Дмитриевич упоминает родственников, нашедших последний приют на Синеникольском погосте.

1. Дестунис Юрий (Георгий) Спиридонович (1812-1904) – российский художник, дед Дмитрия Дмитриевича Бизюкина.

2. В 1907 г. ташлыковскую семью постигло большое горе — застрелился сын Юрий. И долго эта рана не могла зажить у старых Ташлыковых, потрясенных вообще концом иллюзий своей молодости.

3. В 1909 году из собственного пистолета Смит-Вессон застрелилась любимица отца – поэтесса Анастасия Дмитриевна Бизюкина (Настурочка).

В 1911 году на Синеникольском погосте похоронен Александр Дмитриевич Бизюкин. Он исполнял должность земского начальника Синеникольского участка в 1906-1911 годах.

Своему двоюродному брату вторит Софья Николаевна Зоммер-Меницкая. Её мать, Софья Николаевна Бизюкина-Зоммер, приходилась сестрой уже упомянутому на этих страницах Дмитрию Дмитриевичу Бизюкину. В своих воспоминаниях «...Я вышла замуж за любимого» она подробно повествует о жизни в родовом имении Олисово, особо останавливаясь на семейных трагедиях, связанных с потерей близких.

В Олисове похоронен его брат Всеволод, умерший от дизентерии, «умерший от воспаления мозга Петр».

Все же вернемся к тайне осинового креста. Ольга Меницкая описывает похороны своей девятилетней сестры Сони, умершей от кори и похороненной на Синеникольском погосте под чугунным крестом, отлитым в виде березового дерева. «Она лежала такая красивая в гробу, с распущенными волнами [волос], в цветах, что тетя Аня (художница) плакала на похоронах. Мне вместо траура надели гимназическое коричневое платье и обшили его крепом на рукавах и воротнике, и вот я, ребенок, немного утешилась своим трауром и развлеклась торжественностью службы, похоронами. Мне так понравился крест металлический, окрашенный под березу, с медной дощечкой, на которой был написан стих из Евангелия: «Пустите детей приходить ко мне и не препятствуйте им, ибо их есть царствие небесное». Таким образом, можно сделать предположение, что под «осиновым крестом» захоронение Софьи Михайловны Зоммер (1875-1884) и его братьев Всеволода и Петра.

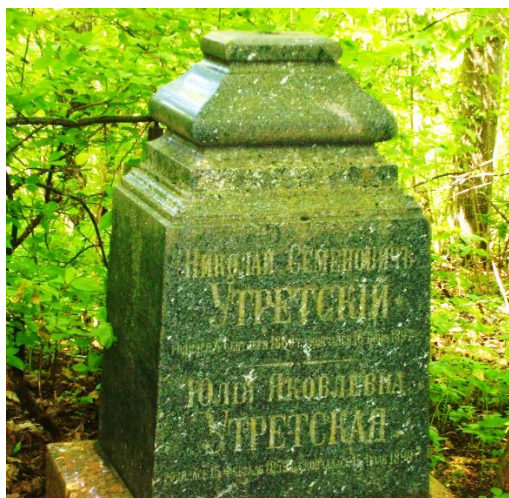
Сегодня усилиями местных жителей эта и другие могилы старинного кладбища приводятся в порядок. На месте утерянной таблички тщанием Сергея Викторовича Кабатчикова появилась новая с восстановленным текстом.

Безусловно, и могилы клана Утретских, и история захоронения дворян Румянцевых-Стремоуховых-Бизюкиных-Вердеревских еще ждут своего вдумчивого исследователя и тщательного исследования.

Источники

1. Статистическо-географический словарь Опочецкого уезда Псковской губернии. Псков 1895.

2. Осипова Н. П. «Дневник археографической и историко-бытовой экспедиции в Опочечский и Красногородский районы Псковской области /18-26 мая 1976 г». //Музея дивное пространство». Псков 2001//
 3. Астратова С. Н. Тайна осинового креста: история Синей Николы. // Псковская правда. – 2007. – 29 марта. – С.15. //
 4. Заседания Опочецкого уездного земства. //Журнал заседаний Опочецкого земства за 1894, 1895, 1897 годы//.
 5. Д. Д. Бизюкин «Конец Погосского. Главы из воспоминаний Перевернутые страницы Русская мысль», Париж, № 4425, 03 октября 2002 г.
 6. «Краткий очерк жизни и деятельности земского труженика Николая Семеновича Утретского». //Вестник Псковского губернского земства № 8, 1897 год//.
 7. Заседания Опочецкого уездного земства. //Журнал заседаний Опочецкого земства за 1897 годы//.
 7. Воспоминания Семенова Ф. С. // Архив музея Анкудиновской средней школы//.
 8. Конов Ю. Г. Некрополь Синеникольского погоста Опочецкого уезда Псковской губернии в XIX-XX веках.
 8. Утретский Сергей Николаевич. Памяти героев Великой войны. Код доступа <https://gwar.mil.ru/heroes>. Дата обращения 6.10.2023 //
 9. Д. Д. Бизюкин «Поэтесса» // Журнал СПб Университета 28 марта 2011 года//
 10. В. В. Шереметовский. Русский Провинциальный Некрополь: Т. 1. – М., 1914
 11. О. М. Меницкая «...Я вышла замуж за любимого» // История современности. № 1 (3) за 2016 год//
- *Храм был построен в 1901 году.

Конов Ю. Г.

Тайны и легенды Синеникольского погоста Опочецкого уезда Псковской губернии

*Анатолий Васильевич Филимонов,
кандидат исторических наук, профессор ПсковГУ
(Псков)*

Из истории строительства телевизионной вышки в Глубоком

«Над Глубоким и окрестными деревнями горит своими красными огнями телевизионная вышка. Последний свой огонь она держит на высоте двух сотен метров, этакая сельская Эйфелева башня... Рукой подать от Глубокого до озера Синовец... И вышка своими огнями ложится в то и другое озеро одновременно...».¹

Так повествовал об одной из достопримечательностей опочецкого села в своих новеллах «Глубокое на Глубоком» писатель Юрий Куранов, проживавший здесь в течение ряда лет, начиная с 1969 г. Телевышка эта, ставшая своеобразным «брэндом» Глубокого, появилась в ходе реализации обширной программы телевидения, развернутой в Псковской области с начала 1960-х гг.

В канун 43-й годовщины Октябрьской революции, 6 ноября 1960 г., вышла в эфир первая пробная передача только что сооруженного Псковского телецентра, полностью принятого в эксплуатацию Государственной комиссией только в январе 1962 г. Постепенно телевидение охватило не только город Псков, но и ряд близлежащих районов области, а с 1962 г. Комитет по телевидению и радиовещанию при облисполкоме с целью расширения зоны охвата вещанием поднимал вопрос о строительстве нескольких ретрансляторов в ряде районных центров.² Промежуточные (релейные) радиостанции должны были располагаться друг от друга на расстоянии 50-80 км (в зависимости от рельефа местности) – в небольших специальных зданиях, вблизи которых устанавливались металлические башни (мачты) высотой 50-100 м с расположенными на них антеннами; сигнал передавался от станции к станции. Предстояло, прежде всего, включить в телесеть южные районы области, далеко стоявшие от Псковского телецентра. Поэтому уже 16 февраля 1963 г. Совет Министров РСФСР разрешил Псковскому облисполкому строительство внутриобластной радиорелейной линии Псков – Великие Луки.³

В начале мая 1964 г. облисполком утвердил проектное задание на сооружение первой ее очереди – Псков – Глубокое,⁴ строительство которой предстояло начать в 1965 г. Для этого облисполком выделил из средств местного бюджета 370 тыс. руб. Проектом строительства первой очереди предусматривалось сооружение двух мачт типа 34100-КМ (высотой 24 м в Пушкинских Горах и 69 м – в Острове) и вышки в пос. Глубокое типа 34084 КМ-47 высотой 180 м. В январе 1965 г. Псковский обком КПСС обратился в Государственный производственный комитет по монтажу и специальным

строительным работам СССР с просьбой изготовить и смонтировать все указанные сооружения в течение того же 1965 г. Но очень скоро из Комитета был получен ответ, что «ввиду загрузки заводов металлоконструкций» они могут принять на себя выполнение заказа только в четвертом квартале 1965 г. или в первом квартале 1966 г. Вслед за ушедшей просьбой в Москву выезжал начальник областного управления связи, ему удалось договориться о размещении заказа по производству мачт и вышки на предприятиях Министерства связи.⁵

Сооружение линии началось в мае 1965 г., о чем оповестила своих читателей «Псковская правда», попутно заверив, что с окончанием строительства «голубые экраны станут доступными для любых, даже самых отдаленных участков области».⁶ В полной же мере строительные работы развернулись только в 1966 г., но шли не так быстро, как хотелось: постоянно вставали различные проблемы, главным образом, связанные с поставкой конструкций и оборудования, и для разрешения их приходилось обращаться в самые различные инстанции.

В сентябре 1966 г., например, Псковский обком КПСС обратился с письмом к первому секретарю Челябинского обкома партии Н. Н. Родионову, в котором отмечал: «Изготовление конструкций для станций производится на Челябинском заводе металлоконструкций, который по состоянию на 25 сентября с. г. отгрузил не полностью конструкции – до отметки 150 м (высота башни 180 м), в результате чего простаивает монтажная бригада. Для своевременного ввода в эксплуатацию РЛС и телевизионных станций обком просит Вас оказать помощь в срочной отгрузке недостающих конструкций телевизионной башни согласно прилагаемой спецификации...». В последней значились предназначенные для Глубоковской вышки недополученные остатки конструкций разной величины: 24-32 м – 57 штук, 40-48 м – 16 штук, 59-69 м – 16 штук, и 72-80 м – 4 штуки.⁷

С новой просьбой, уже в феврале 1967 г., обкому партии пришлось обратиться в Министерство связи: «Согласно приказа Министерства связи СССР от 28 мая 1964 г. для строительства РЛС Псков – Великие Луки предусматривалось изготовление радиотехнической аппаратуры Р-600 в 1965-1966 гг. Затем начальник ГУМТТС И. С. Шинкарев письмом сообщил, что вся аппаратура Р-600, изготовленная для РЛС Псков – Великие Луки отгружена заводом-поставщиком 24 ноября 1966 г., за исключением одного волноводного тракта, который завод обязывался изготовить в январе 1967 г. Однако до сего времени заводом не отгружены: внутренние волноводные тракты – 3 комплекта, внешние волноводные тракты – 3 штуки, разделительные фильтры 439 – 2 комплекта, стабилизаторы – 3 штуки,

разделительные фильтры 440 – 1 комплект. Окончание работ по строительству РЛС и сдаче ее в эксплуатацию сдерживается исключительно из-за отсутствия недопоставленного оборудования Р-600...». Псковский обком КПСС просил Министерство связи СССР «дать соответствующие указания о поставке вышеуказанного оборудования в марте 1967 г., с тем, чтобы обеспечить ввод в эксплуатацию РЛС к маю месяцу с. г.». ⁸

С весны 1967 г., когда строительство телевышки велось уже вовсю и ее очертания видны были за несколько километров, об этом постоянно писали областная и районная газеты.

«Когда подъезжаешь к Глубокому, – писал, например, в начале апреля «Красный маяк», – справа от дороги показываются поднимающиеся металлические перекрытия. Это мачта новой телевизионной станции. Приходим на ее территорию. Вблизи мачта являет внушительное зрелище. Совсем маленькими кажутся работающие на высоте люди.

– Мачта поднимется к небу на 180 м, – поясняет старший инженер Борис Егорович Саутин. – К настоящему времени достигнута отметка 56.

Воздвигает мачту бригада монтажников-высотников, которой руководит Станислав Георгиевич Чураков. Иногда выдаются неблагоприятные погодные условия, и все же продолжают трудиться на головокружительной высоте эти смелые парни.

– В мае работы завершим, – заверяют монтажники-высотники. По соседству с растущей мачтой стоит техническое здание. Вместе с Б. Е. Саутиным заходим во внутрь.

– Знакомьтесь, – говорит старший инженер, показывая взглядом на молодого человека, – Рыбаков Михаил Семенович. Он вместе с женой Валентиной Алексеевной монтировал аппаратуру.

– Мы свое дело уже сделали, – вступает в разговор Михаил Семенович. – Сегодня уже уезжаем.

Б. Е. Саутин подходит к висящей на стене карте Псковской области. На ней начертан круг, центром его является село Глубокое.

– Жители районов, полностью или частично попавших в этот круг, – рассказывает старший инженер, – с помощью нашей ретрансляционной станции смогут уверенно принимать телевизионные программы.

Как показывает карта, к этим районам относятся Опочецкий, Красногородский, Себежский, Пустошкинский, Пушкиногорский и др. Когда же станция вступит в строй?

– В сентябре начнем пробные трансляции, – говорит Б. Е. Саутин. – А к годовщине Великого Октября все подготовительные работы будут закончены. Трудящиеся смогут регулярно смотреть телевизионные передачи.

Однако на строительстве станции сегодня не все благополучно. К примеру, надо кончать настройку телевизионного оборудования. Но делать это пока нельзя – в техническом здании не покрыты линолеумом полы. Повинны в этом механизаторы ПМК № 376, строители затягивают ввод в строй этого здания. Есть и другие недоделки: не завершены работы по сооружению насосной станции, нефтехранилища, по ограждению трансформаторной подстанции...».⁹

Несмотря на все это, газета уже через три недели заверила читателей, что «к празднику Великого Октября ретранслятор вступит в строй».¹⁰

В том же апреле 1967 г. о ходе строительства телевышки и людях, работавших на ее возведении, рассказала областная «Псковская правда»:

«...Строительство вышки в Глубоком – дело нелегкое. Ведь подняться она должна на 180 м, а вместе с антенной достигнет высоты почти 200 м. Собирают вышку из стальных труб весом в 2 т каждая. Бригада монтажников состоит из 10 чел. Возглавляет ее Станислав Георгиевич Чураков. За его плечами 12-летний стаж работы, хотя он еще молод. Молоды и другие члены бригады. Лишь Рудольфу Федоровичу Кузьмину да Искандеру Хасановичу Аитову по 39 лет. Эта бригада из Московского треста «Стальмонтаж» специализируется на установке телевизионных вышек. До приезда к нам монтажники работали в Душанбе, Арзамасе, Осташкове, Тамбове, Горьковской, Ленинградской и других областях.

– В июле думаем справиться с порученным заданием, – говорит С. Г. Чураков. Он рассказывает, что вышка уже достигла 80-метровой отметки. Теперь дело пойдет быстрее, т.к. сборка будет вестись из конструкций весом вдвое легче и целыми секциями. Каждый болт, которыми сейчас монтажники крепят конструкции, весит 6 кг. А всего их через руки должно пройти 18 т болтов. Вес же всей вышки 330 т. Бригада соревнуется за звание коллектива коммунистического труда. А жители Опочецкого района тем временем обзаводятся телевизорами: скоро и в их домах засветятся «голубые экраны»».¹¹

Но не только население Опочецкого района приобретало заблаговременно телевизоры. Еще в октябре 1966 г. Псковский обком КПСС, отметив, что

«в Псковской области заканчивается строительство новой РЛС Псков – Великие Луки, которая дополнительно охватит телепередачами более 10 районов области», ходатайствовал перед Министерством торговли РСФСР о дополнительном выделении для торговой сети области не менее 1 тыс. телевизоров (до конца года).¹²

Строительство телевышки шло одновременно с сооружением такой же башни в Великих Луках и мачт в Острове и Пушкинских Горах. «В Великих Луках закончено строительство телевизионной вышки, – сообщила 11 июля 1967 г. «Псковская правда». – А как дела в Глубоком? И здесь работы по установке радиорелейной вышки ведутся успешно. Она уже поднялась на 144 м. Сборка конструкций сейчас производится готовыми секциями, что намного ускоряет строительство. Одновременно монтажники устанавливают на вышке необходимое оборудование для приема и ретрансляции телепередач. В июле будут проведены основные работы по монтажу...».¹³

На завершающем этапе строительства об этом неоднократно писала районная газета. Например, в конце июля 1967 г. она информировала: «В селе Глубоком бригада высотников треста «Калининстальмонтаж» закончила установку 180-метровой ретрансляционной телевизионной вышки. На смену монтажникам пришли бригады установщиков радио-фидерального и волноводного трактов. Скоро через Глубоковскую радиорелейную подстанцию начнутся пробные передачи программ Центрального телевидения».¹⁴

Наконец, последовало долгожданное сообщение: «Вступил в строй телерадиотранслятор, сооруженный в селе Глубоком. Владельцы «голубых экранов» получили возможность смотреть передачи Центрального телевидения. 7 ноября они стали очевидцами праздничных торжеств на Красной площади». 12 ноября газета впервые поместила на своей полосе программу «Неделя голубого экрана», получившую вскоре постоянный заголовок «На голубых экранах».¹⁵

Публикация программы явилась очень кстати: число обладателей «голубых экранов» в Опочецком районе неуклонно росло. Так, еще в преддверии ввода в эксплуатацию вышки в Глубоком в сентябре 1967 г. районный магазин «Культтовары» продал 60 телевизоров, а в течение декабря, когда станция уже действовала, их приобрели более 30 чел. из окрестных деревень.¹⁶ Техническое новшество – телевизор, все шире входило в жизнь и быт населения районов, которые обслуживала Глубоковская телевизионная вышка. Она была третьей в области – после Псковской и Великолукской, телевизионный сигнал отсюда распространялся на несколько районов, вплоть до Себежа и Острова.

Через три с половиной года после ввода ее в эксплуатацию старший инженер Виктор Александрович Сергеев рассказал журналисту о том, что «телевизионная станция начинала работу, не имея достаточного количества квалифицированных кадров. И тогда пошли на эксперимент: пригласили на работу выпускников Глубоковской средней школы. Они поначалу мало что могли сделать, но постепенно многие стали приобретать профессии электромеханика, поступили заочно в Ленинградский электротехнический техникум и сейчас (1971 г. – Авт.) заканчивают учебу: Лида Баранова, Тася Ильина и др. Учится в техникуме и старший электромеханик Николай Михайлович Михайлов. А когда наступает сессия, некому работать на станции – все учатся. Но скоро они будут дипломированными специалистами...». «Когда наступают пасмурные дни, – добавил от себя корреспондент, – 180-метровая вышка скрывается в густых клубах тумана, но зато в ясный день видна из многих уголков района. Но вышка – не самое основное на станции, главное – внизу: новейшая радиоэлектронная аппаратура...».¹⁷

Телевышка в течение многих лет успешно выполняла свою задачу, но постепенно устаревала, и в «лихие» и «смутные» 1990-е столкнулась с новыми вызовами, о чем писала спустя четверть века после завершения строительства районная газета: «Станция расположена в Глубоком, работает там небольшой, но дружный коллектив, который возглавляет Владимир Лукич Федоров. «Построена станция в 1967 г., – рассказывает он, – тогда проводились пробные передачи по радио и телевидению, продолжительность их была всего два-три часа. С первых дней основания здесь работают главный инженер Михаил Иванович Михайлов и старший механик Владимир Николаевич Иванов – начинали учениками, затем окончили средние учебные заведения. Обслуживают станцию 10 чел., работа сменная, круглосуточно на дежурстве находятся два человека, которые следят за четкой работой аппаратуры и качеством передающей системы. Передачи принимают в Опочецком, Себежском, Пустошкинском и Пушкиногорском районах, кроме двух телеканалов транслируются на УКВ радиостанции «Маяк» и программы РТР. Перспективы на будущее туманные, но в 1992 г. будем работать в прежнем режиме. Дальше пойдет реорганизация. В Новосокольниках ведется строительство новой телерадиопередающей станции, рассчитанной на прием двух телепрограмм и радиопередач. Высота мачты 360 м, 270 м уже построено, на ней будет установлен передатчик мощностью 25 кВт. Высота нашей мачты составляет 196 м, но надо учитывать, что поднята она на 180 м над уровнем моря, а мощность передатчика у нас слабая – всего 5 кВт. О полной ликвидации станции решения пока нет, что-то

останется, т.к. имеется определенная материальная база, жилой дом. Кто-то останется здесь, другим будет предложено перейти работать на Новосокольническую станцию. С ее вводом отпадает необходимость в телевизионной станции в Великих Луках, поэтому часть специалистов из Великих Лук тоже перейдет на новую станцию. В Пушкинских Горах строится станция, которая будет транслировать в дециметровом диапазоне программы Санкт-Петербургского телевидения, есть такая возможность и у нас, но нужно оборудовать этот канал...».¹⁸

Проходили годы, в 2012 г. в стране начался переход от аналогового телевидения к цифровому, ретрансляционные возможности Глубоковской радиотелевизионной станции тоже менялись. Плавный переход на новую систему вещания стал неизбежностью. Уже в 2012/13 гг. из 16 передающих и радиотелевизионных станций области 7 были оборудованы для приема цифрового канала, а для покрытия им всей Псковской области предстояло построить новые и переоборудовать прежние станции, переведя на новую систему все 27. Уже в 2012 г. закончилась установка нового оборудования и на станции в Глубоком, вещание тоже стало вестись в цифре. Свое 50-летие в ноябре 2017 г. телевышка встретила уже в новом качестве.¹⁹

Примечания

¹ Куранов Ю. Глубокое на Глубоком: Роман. М.: Современник, 1982. С. 10, 12.

² Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-1582. Оп. 2. Д. 166. Л. 2, 21, 23-53.

³ Отделение документов новейшей истории и по личному составу Государственного архива Псковской области (ОДНИЛС ГАПО). Ф. 1219. Оп. 67. Д. 36. Л. 6.

⁴ Псковская правда. 1964. 7 мая.

⁵ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219. Оп. 67. Д. 36. Л. 6-7.

⁶ Псковская правда. 1965. 7 мая.

⁷ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219. Оп. 67. Д. 108. Л. 179-180.

⁸ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219. Оп. 67. Д. 170. Л. 9.

⁹ Красный маяк. 1967. 2 апреля.

¹⁰ Красный маяк. 1967. 20 апреля.

¹¹ Псковская правда. 1967. 30 апреля.

¹² ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219. Оп. 67. Д. 104. Л. 129.

¹³ Псковская правда. 1967. 11 июля.

¹⁴ Красный маяк. 1967. 30 июля.

¹⁵ Красный маяк. 1967. 12 ноября.

¹⁶ Красный маяк. 1967. 22 октября, 24 декабря.

¹⁷ Красный маяк. 1971. 30 марта.

¹⁸ Красный маяк. 1992. 23 января.

¹⁹ Красный маяк. 2017. 17 ноября.

*Александр Владимирович Кондратеня,
начальник структурного обособленного подразделения
Опочецкий краеведческий музей МБУК «ОРЦК»,
член Совета Псковского регионального отделения
Союза Краеведов России (ПРО СКР)
(Опочка)*

Школа II ступени имени А. С. Пушкина в г. Опочке в 1920-е годы

Перед началом 1924-1925 учебного года Отделением Просвещения было произведено слияние всех школ II ступени города и уезда в одну школу II ступени имени А. С. Пушкина. Таким образом, школы II ступени имени А. И. Герцена, Велейская, Красногородская и Пушкинская (бывшая Святогорская) прекратили свое самостоятельное существование и слились с 1-й школой II ступени им. А. С. Пушкина, а от последней была отделена I ступень (группы Б, В, Г-1 и Г-2) и присоединены к школе I ступени имени Короленко. Путем таких реорганизаций и образовалась школа II ступени им. А. С. Пушкина, которая стала состоять из 5 основных и 5 параллельных классов.

Школа помещалась в трех разных зданиях: два из них находились на одном дворе, а третье на расстоянии 5-минутной ходьбы от первых. Классы были разбросаны в пяти различных этажах, причем два из них были подвальные. Школа имела и подсобные помещения.

Школьная библиотека, соединенная из двух школ II ступени, насчитывала 9000 томов. Физический кабинет составлен был из пособий бывшей школы им. Герцена и школы им. Пушкина и помещался в двух комнатах нижнего этажа главного здания школы. В одной из комнат помещались шкафы с физическими приборами, а в другой демонстрировались опыты учащихся по мере прохождения курса. Тут же проводились опыты и работы самими учащимися по отделам: оптики, механики и электричества. Естественно-исторический кабинет был образован в 1918 году из пособий по естествознанию, находящихся в бывшей женской гимназии им. Пушкина. В 1920 году он был значительно наполнен пособиями из УОНО, а в 1924 году в него вошли пособия из бывшей школы им. Герцена. В 1924-1925 учебном году кабинет перевели в особое помещение во дворе главного здания школы. При кабинете имелся специально оборудованный класс для занятия по естествоведению. В кабинете совсем не было посуды, а потому в тех случаях, когда она требовалась для занятий по естествоведению, приходилось обращаться

Кондратеня А. В.
Школа II ступени имени А.С. Пушкина в г. Опочка в 1920-е годы

в химический кабинет. Химический кабинет помещался в отдельной комнате внизу главного здания школы. В нем находилась стеклянная химическая посуда и некоторые реактивы для производства химических опытов. Работа в химическом кабинете проводилась только некоторыми учащимися – любителями химии, образовавшим небольшой кружок «химиков». Кабинет обществоведения помещался в здании корпуса в особой комнате. В нем находились диаграммы по политрайону, школьное знамя и уголок Ленина с соответствующими плакатами и лозунгами. В кабинете хранились пособия, и работы учащихся по обществоведению. В здании корпуса была отведена отдельная комната под музей краеведения. Основание музея произошло в 1922 году вместе с основанием кружка. Все работы по краеведению (местная природа, наблюдения за погодой, исторические и археологические исследования местного края, образцы местного производства и т.д.) находились в этом музее. Кроме работ кружка, в него поступали работы летней школы, носящие краеведческий характер. Музей имел значение подсобного учреждения: из него брали материалы при прохождении некоторых предметов как сама школа, так и другие учреждения. Музей был открыт для всеобщего обозрения каждую неделю по воскресеньям с 2 до 4 часов дня.

Средства к существованию школа получала из двух источников: по смете местного бюджета (оплаты заведующему школой, 18 преподавателей с нормальным количеством уроков и 2 сторожей) и средств платности. Согласно обязательному Постановлению ГИКа от 10 сентября 1924 года, все учащиеся были особой Комиссией разбиты на разные категории и обложены соответствующей платой или совсем освобождены от внесения таковой. Минимальная плата была 2 рубля в год, максимальная – 55 рублей (для торговцев) в год с одного учащегося. Всего из 393 учащихся (на 1924-1925 учебный год) от платы было освобождено 149 человек. Средства платности расходовались главным образом на оплату дополнительных уроков по некоторым предметам, которые пришлось ввести сверх положенного количества из-за несоответствия программ в школах II ступени, слитых в одну, на оплату за заведование подсобными учреждениями (библиотека, физический и естественно-исторический кабинеты), на наем третьего сторожа, на оплату групп профессионально-производственного уклона, на отопление, освещение, канцелярские и почтовые расходы, учебные, командировочные практические экскурсии, ремонт, оборудование помещения и мелкие расходы.

Если взять 1924-1925 учебный год, то в статистическом отношении в школе было 415 учащихся, из них 145 мальчиков и 270 девочек различных национальностей: великоросов, евреев, латышей, эстонцев, поляков и немцев. Большую часть представляли великоросы – 373 человека. По социальному положению в школе обучались дети крестьян, ремесленников, торговцев, совслужащих, красноармейцев, духовенства. Большую часть составляли дети крестьян – 152 человека и совслужащих – 127 человек. В школе было 18 педагогов и 1 заведующий (Приложение).

Из ученических организаций в школе имелся ШКУ (школьно-ученический комитет), который был образован из членов классбюро, в каждом классе выбиралось классбюро из трех лиц: председателя, его заместителя и секретаря. Классбюро наблюдало за порядком в классе, являлось непосредственным проводником в жизнь распоряжений Президиума, составляло всякого рода сводки, диаграммы и т.п., касающиеся жизни и деятельности класса.

Члены классбюро всех классов составляли ШКУ, который из своей среды выбирал Президиум, состоящий из председателя, секретаря и одного члена. Президиум ШКУ на своих заседаниях обсуждал вопросы, касающиеся школьной жизни, поддержания дисциплины, намечал меры воздействия за нарушение последней, помогал в организации школьных праздников, выставок, спектаклей и т.п., приводил в исполнение постановления ШКУ и т.д. Из среды членов ШКУ выделена была особая санитарная комиссия, которая следила за чистотой школьного помещения. Проводились и общие конференции учащихся с участием членов РЛКСМ. На них обсуждались вопросы о проведении весенних каникул, о целях и задачах школьного самоуправления, читались доклады и лекции на антирелигиозные темы и т.п. В конце учебного года проводилась беседа с отъезжающими в деревню учащимися: о культурной работе учащихся летом в деревне, индивидуальном обучении безграмотных, работе в ячейках РЛКСМ, избах-читальнях и т.д. По окончании каникул лица, присутствовавшие на конференции, должны были представить доклады о своей работе в деревне, заверенные ячейками РЛКСМ или же другими общественными деревенскими организациями.

Клубная работа в школе велась в ученических кружках, занятия в которых проводились по вечерам. В школе имелись следующие кружки: Краеведения, Драмкружок, Спортивный, Безбожников, Химиков и Сказочников.

Кружок Краеведения вел работу и в летнее время, когда совершались главным образом краеведческие экскурсии и собирался краеведческий материал. Этот кружок был общешкольный и имел в своем составе 102 человека и 42 кандидата (на 1924-1925 учебный год). Для удобства работы он был разбит на две группы: старшую и младшую. Занятия и в той, и в другой группе проходили по одному разу в неделю, во время каникул. Когда учащиеся из уезда уезжали, занятия велись совместно. Кружок Краеведения издавал свой журнал «Юный краевед». Поддерживал связь с таким же кружком Педтехникума в городе Пскове и Обществом краеведения там же. Кружок Литературно-Драматический имел в своем составе всего 40 членов (на 1924-1925 учебный год). В нем принимали участие учащиеся 3-А, 3-Б, 4-А и 4-Б классов. Кружок занимался постановкой спектаклей, в том числе и на антирелигиозные темы. Издавал свой журнал «Молодой художник». Спортивный кружок был общешкольным и состоял из 2 групп по 25 человек каждая (отдельно мальчики и отдельно девочки). В кружке Сказочников принимали участие только учащиеся 2-А класса в количестве 44 человек. Целью кружка было изучение народного творчества, родной речи, художественное рассказывание и активное творчество. Кружком издавалась «Живая газета». В конце 1924-1925 учебного года 4-Б классом был основан кружок Безбожников, который насчитывал 20 членов из учащихся разных классов. На собраниях кружка дебатировались разные антирелигиозные вопросы. Для кружка школа выписывала газету «Безбожник». Кружок Химиков состоял из учащихся любителей химии (всего 12 человек). Регулярных занятий в этом кружке не было, а велись они по мере возникновения того или иного вопроса. Был еще Певческий общешкольный кружок, впоследствии замененный общешкольным хором, который не собирался регулярно, проявлял свою работу по мере надобности: на школьных праздниках, вечерах и спектаклях.

Большое участие в работе кружков и вообще в жизни школы принимали РЛКСМ и пионеры. В школе имелась комсомольская ячейка, собрания которой проходили не реже 2 раз в месяц: на них присутствовали и беспартийные учащиеся, которых Комсомол таким образом понемногу втягивал в работу и привлекал в свои члены; для большего сближения устроена была комиссия «Спайка», в которую входили как члены Комсомола, так и беспартийные учащиеся и преподаватели школы. Комиссия устраивала вечера-спайки и издавала свою стенную газету «Спайка», в которой помещала статьи учащихся, преподавателей и членов

Кондратеня А. В.

Школа II ступени имени А.С. Пушкина в г. Опочка в 1920-е годы

Комсомола. Члены Комсомола принимали участие в Школьных Советах, делали доклады в школьных кружках, на школьных праздниках и т.п. К школе был прикреплен пионерский отряд. Школа дала отряду помещение, освещение, отопление, средства на приобретение книг для библиотеки и т.п. При школе имелось пионер-ядро, которое издавало свою стенгазету «Молодняк», устраивала еженедельные собрания с приглашением на них учащихся - не пионеров и преподавателей, имела своего представителя с правом решающего голоса в Школьном Совете. В конце 1924-1925 учебного года учащимися совместно с членами РЛКСМ была организована ячейка ОДН, выбрано бюро ячейки и намечен план летней работы по борьбе с неграмотностью взрослого населения, как в городе, так и в уезде.

При школе имелся Школьный кооператив, почти все учащиеся данной школы состояли членами-пайщиками, выбирали из своей среды членов Правления, Ревизионной Комиссии, и таким образом практически знакомились с постановкой кооперативного дела. Школьный кооператив обслуживал и другие школы города, причем учащиеся других школ тоже состояли членами-пайщиками кооператива. Школьный кооператив снабжал членов-пайщиков школьными принадлежностями и пособиями по более дешевым ценам, чем в других лавках.

В 1924-1925 учебном году самыми важными шагами по пути к новой школе было введение новых программ ГУСа в 1-х классах школы и образование для выпускных классов профессиональных уклонов: педагогического и кооперативно-счетоводного, так как в опочечкой действительности замечалась наибольшая нужда именно в этих категориях трудящихся. При преподавании педагоги пользовались разными методами: экскурсионным, исследовательским, иллюстративным, комплексным и другими. При прохождении географии по вечерам, для закрепления в памяти пройденного и для иллюстрации курса, показывались туманные картины, сопровождающиеся рефератами учащихся.

Целью занятий в счетоводно-кооперативной группе профуклона была подготовка учащихся к практической деятельности в кооперативных организациях. Для достижения этой цели в группе изучалось кооперативное счетоводство и делопроизводство и история кооперации. Учащиеся сами вели разные бухгалтерские и делопроизводческие книги и производили ревизию лавки кооператива с учетом товаров. Метод преподавания в группе был лабораторно-практический. Занятия велись по 100-часовой программе, утвержденной метбюро при УОНО. Для ведения

занятий был специально приглашен бухгалтер ЕПОВ. Я. Плотников. В кооперативно-счетоводной группе было всего 32 человека (учащихся 5-А и 5-Б классов) и 7 человек посторонних (окончивших школу в прежние годы). Из них получили удостоверение об удовлетворительном усвоении курса из числа учащихся 16 человек и из посторонних 2 человека, кроме того, 4-м учащимся и 2-м посторонним были выданы удостоверения о прослушании курса.

В педагогической группе профессионально-производственного уклона обучалось 38 человек учащихся 5-А и 5-Б классов и 8 человек, окончивших школу в прошлом учебном году. Занятия в группе велись по 100-часовой программе, утвержденной метбюро при УОНО. Занятия были теоретические и практические. Теоретическая подготовка имела целью сообщить слушателям необходимые предпосылки для практической работы в школе I ступени и ликпунктах. Для этого в группе изучались основы педагогики и психологии, методики: обществоведения, русского языка, арифметики и естествоведения; рассматривались новые программы ГУСа, сообщались сведения о с/х уклоне в начальных школах и готовились лекции по школьной гигиене и оказании первой помощи заболевшим. Практические занятия велись на ликпунктах со взрослыми допризывниками и в городских школах с детьми. Всего об удовлетворительном усвоении курса педагогической группы профуклона были выданы удостоверения 37 учащимся школы и 8 посторонним. Таким образом, работа группы профуклона в школе в конечном результате дала городу и уезду 18 человек практически и теоретически подготовленных работников для пищевой кооперации и 45 человек преподавателей для школ I ступени и ликпунктов.

Школьным врачом был Ю. К. Заломонович. Им в начале 1924-1925 учебного года был сделан поголовный осмотр всех учащихся, с измерением их роста, окружности груди, веса и т.п., причем, всех страдающих заразными кожными болезнями отделили для соответствующего лечения. Школьный врач вел амбулаторный прием учащихся у себя на дому в течение всего учебного года ежедневно и посещал больных учащихся. Больные заразными болезнями отправлялись на излечение в больницу, а квартиры их подвергались тщательной дезинфекции. Такая же дезинфекция была проведена и в помещении школы после того, как обнаружилось, что одна из учащихся заболела скарлатиной и была отправлена в больницу. В конце учебного года над всеми школами города и уезда был назначен санитарный врач товарищ Ревуцкая, которая произвела осмотр всех

школьных помещений со стороны их санитарного состояния и сделала соответствующие указания для устранения замеченных дефектов. Санитарным врачом была весной привита всем учащимся, за немногим исключением, оспа.

Летняя школа обычно проходила с 15 мая по 15 июня. В 1924-1925 учебном году экскурсии были сделаны на Кожзавод, Электрическую станцию, Городскую мельницу, на озера Долгое и Перерослое, в Коложе, в Емельянцево, в совхоз «Красный Пахарь» и т.д. После экскурсий проводились конференции, на которых учащиеся делали доклады о произведенной ими во время экскурсии работе и подводились общие итоги экскурсии. Материал, собранный во время экскурсий, по окончании выставки поступал в кабинеты: обществоведения, естествоведения, физический и музей краеведения. Экскурсии в 1924-1925 учебном году совершались не только в течение периода летней школы, но и раньше, так еще в начале года были совершены экскурсии: в Захино на красочный завод с учащимися выпускных классов (результат экскурсии был доложен на школьной конференции учащихся), в деревню Кишкино (с учащимися 1-А класса), в деревню Голощапы (с учащимися 1-Б класса), несколько новых экскурсий в окрестности города с естественно-историческими и географическими целями, в электромеханическую школу (для ознакомления с электрическими двигателями) и в бывший винный склад для ознакомления с приборами и машинами, находящимися там.

В конце 1 триместра и в конце года в школе было две выставки всей школьной работы – за 1 триместр и за весь учебный год. Выставка, как первый, так и второй раз, была открыта в течение трех дней для осмотра всеми желающими гражданами.

Первый раз выставку посетили 305 человек, второй раз – 233 человека и 5 организованных экскурсий (всеми школами I ступени города, Петровской и Емельянцевской школами).

Интересно о жизни школы II ступени им. А. С. Пушкина и ее преподавателях в 1920-е годы пишется в неопубликованных воспоминаниях А. И. Белинского (учителя этой школы), в дневнике его дочери Лидии (ученицы этой школы) и в воспоминаниях ученицы этой же школы Иды Миримовой – дочери школьного врача Ю. К. Заломоновича.

Список источников:

1. ВЛО ГАПО, фонд В-609, опись 1, дело 128.

***Состав педагогов школы II ступени им. А. С. Пушкина
на 1924-1925 учебный год***

И. В. Владимиров – заведующий школой и преподаватель русского языка во 2-А классе и физвоспитания в 5-А классе.

Н. В. Скороходов – заместитель завшколой, заведывающий физическим кабинетом и преподаватель физики и математики в 5-А, 4-А, 3-А (алгебры) и 2-А классах.

Е. А. Хабарова – секретарь школьного совета, заведующая канцелярией и преподаватель географии и мироздания.

В. П. Михайлов – заведующий библиотекой и преподаватель обществоведения.

И. И. Иванов – заведующий естественно-историческим кабинетом и преподаватель естествоведения.

И. И. Васильев – преподаватель политграмоты.

А. И. Белинский – преподаватель истории и русского языка.

А. И. Властелица – преподаватель химии, геометрии и физики.

К. М. Властелица – преподаватель русского языка в 5-А, 5-Б, 4-Б и 1-А классах.

Е. А. Ветчинкина – преподаватель русского языка в 4-А, 3-А, 3-Б, 1-Б классах.

Г. Ю. Каминский – преподаватель химии и естествоведения.

Н. О. Кудрявцев – преподаватель математики и физики.

А. А. Лукашевич – преподаватель рисования и черчения.

В. Р. Ратьковский – преподаватель географии в 1-Б, 2-Б, 3-Б и 4-Б классах.

А. И. Юкнат – преподаватель физвоспитания и пения в 5-А и 5-Б классах.

И. Н. Корчинский – преподаватель пения.

Э. В. Функе – преподаватель немецкого языка.

О. И. Игнатович – преподаватель французского языка в 5-А и 5-Б классах.

М. М. Михайлов – преподаватель русского языка и математики до 1 марта, а с 1 марта вследствие перехода на службу в УОНО заместителем его до окончания занятий УОНО был командирован А.И. Суйя.

Кондратеня А. В.
Школа II ступени имени А.С. Пушкина в г. Опочка в 1920-е годы

*Нина Михайловна Кург,
краевед, преподаватель истории,
член краеведческого клуба «Отчий дом»
(Опочка)*

*«Тот, кто стал учителем,
кто познал радость великого дела великого воспитания детей,
тот не может бросить эту работу».
И. В. Егорова (Плотникова)*

Из жизни педагога И. В. Егоровой (Плотниковой). Дневниковые записи

Семья и детство

Ираида Валентовна Егорова (Плотникова) родилась в Опочке 10 марта 1914 г.

Отец – Плотников Валент Яковлевич (1883-1955 гг.), из купеческой семьи. В дореволюционное время служил в Опочечком городском общественном банке (ныне ул. Ленина, 20) в должности бухгалтера. Всю последующую жизнь этой профессии не изменил. Мать – Плотникова Мария Павловна (Лапшина) (1885-1938 гг.).

В семье работал один отец. Мать вела домашнее хозяйство, была экономной, занималась детьми, обшивала их, всегда спокойная, очень добрая. Из дневника Ираиды Валентовны: «Моё детство проходило в доме на Набережной (дом сдавал Рогалев – смотритель Опочечкой земской больницы – прим. автора), в нём родилась я и мои братья: Михаил (1917 г.р.), Сергей и Евгений – близнецы (1921 г.р.). Из окон дома второго этажа открывался удивительный вид на лужок, за ним река Великая, Вал, Завеличье. Летом игры со сверстниками, много времени проводили на лужке, запускали в небо бумажных змеев. Сколько радости было у нас, когда высоко-высоко парил большой змей с хвостом. Со смехом и визгом купались в реке Великой. Зима! С крутой горки катались на салазках и по льду в протоке реки Великой на коньках.

Зимними вечерами готовились к Рождеству и Новому году, сидя с отцом за большим столом мастерили игрушки. В ход шла цветная бумага, шишки, яичная скорлупа, всё мастерили сами. И вот ёлка! Мама шила мне новое платье, а братьям рубашки. Все Святки ходили в гости на ёлку и сами принимали гостей.

В семье торжественно праздновали и другие праздники, например, Пасху. Обязательно запекался окорок, на столе в большой красивой тарелке красовались в зелени крашеные яйца. А в городе всю пасхальную неделю плыл весёлый малиновый

Кург Н. М.
Из жизни педагога И. В. Егоровой (Плотниковой). Дневниковые записи

звон церковных колоколов. Трезвонить могли все, кто хотел. Мы бегали к Успенской церкви и любовались, как взрослые звонили в колокола. Прекрасное детство...»

На деле это были трудные годы, которые свалились на плечи родителей – война, революции, Гражданская война, разруха, голод, отсутствие топлива...

Из дневника Ираиды Валентовны: «Запомнился мне случай. Шла Гражданская война, немцы подошли к Опочке, были за рекой, стрельба. Мы всем семейством прятались под окнами, боясь шальной пули»¹.

В городе в первые годы советской власти практически не велась торговля. Приходилось закупать муку и другие продукты в деревнях у богатых крестьян. Один из зажиточных бездетных крестьян узнал о рождении близнецов в семье Плотниковых и предложил одного из них отдать на усыновление. Предлагал деньги и продукты. Родители мои категорически отказались от дерзкого предложения. Отец много работал, надо было кормить семью, поэтому приходилось подрабатывать. Брал счётную работу на дом, читал лекции на подготовительных курсах счётных работников.

В 1921 году Ида Плотникова (моя мама) пошла в 1 класс. Обратимся к её дневнику: «Мама сшила мне холщовую сумку, а отец заказал в деревне лапотки. Другой обуви купить было невозможно. В следующие классы я и брат Михаил уже ходили в нормальной обуви.

Начальная школа располагалась в южном здании на Соборной площади (современный корпус – прим. автора). Дорога в школу шла через базар, который раскинулся вокруг Преображенского собора. В период НЭПа в городе открылись частные магазины и лавки. Каждое утро перед школой отец нам давал несколько копеек. Я и брат заходили в мясную лавку и покупали колбасные обрезки. В другой лавке горячие обрезки хлеба. С этим завтраком торжественно шли в школу.

Весной 1922 года в Опочке случилось страшное наводнение. В нашем доме на Набережной затопило нижний этаж. Воду черпали ведром из окна. Вода вышла на улицу Большую (ул. Ленина – прим. автора) и Соборную площадь. В эти страшные дни заболел один из близнецов. Положение было критическое. Родители шёпотом обсуждали, как хоронить младенца. И тогда соседи смастерили отцу плот, на котором он отправился за врачом. Врач спас ребёнка».

¹ В феврале 1918 г. кайзеровцы заняли часть Псковского уезда, 4 волости Опочецкого уезда: Красная, Сине-Никольская, Полянская, Печано-Горайская.... Немцы остановились по рекам Синяя, Великая... (Алексеев С. А., Кондратеня А. В. Опочка 1917 – 1941 г. - Псков : ПОИПКРО, 2012. - 229 с., С. 16 [10] л.)

В 1925 году семья переехала на новую частную квартиру по улице Почтовой (ул. Раи Гавриловой – прим. автора). Хозяином квартиры был Хейсин Симон Маркович. Эсер, чем занимался – сказать трудно. Квартира была большая, и наконец Валент Яковлевич мог оборудовать себе кабинет – поставить большой письменный стол, разместить библиотеку. Помимо работы бухгалтера он продолжал преподавать на курсах и имел учеников на дому. Для дочери купили рояль. Она уже как год училась музыке у Анны Викентьевны Каменской. Успехи её были не блестящие. И родители решили перевести её к другой учительнице – Ольге Ивановне Игнатович (ул. Ленина, 60).

Мама вспоминала: «Больших музыкальных способностей и здесь не проявилось, хотя читать нотную грамоту научилась хорошо».

Учёба, учителя

Главное здание школы находилось в здании бывшей гимназии (ул. Ленина, 20). Классов было мало, а система была введена кабинетная. Под школу 2 ступени оборудовали двухэтажное здание через дорогу (бывший Дом пионеров – прим. автора) и классы-кабинеты школы № 1 (ул. Ленина, 64 – детский сад «Лучик» и краеведческий музей – прим. автора).

Из дневника Ираиды Валентовны: «Ученикам приходилось бегать из здания в здание, из кабинета в кабинет, из одного конца города в другой вдоль улицы Ленина. Это отрицательно сказывалось на обучении учащихся. В те же годы в систему народного образования вводились новые методы обучения, так называемые «метод проектов», «комплексный метод» и прочие «эксперименты». По комплексному методу класс делился на группы. В каждой группе один решал, другие списывали. Один отвечал – всей группе ставили отметку. Более порочного метода выдумать невозможно. Добросовестно учились единицы. А остальные...

К счастью, не все преподаватели использовали эти «методы» и давали нам глубокие знания. В школе 2 ступени работали замечательные учителя – Александр Иванович Белинский преподавал русский язык; Николай Васильевич Скороходов учил математике, отлично объяснял предмет, ученики его боялись больше всего, был строг, требователен, знания дал хорошие. Екатерина Арсентьевна Хабарова – географ, безукоризненно владела предметом, стыдно было не знать карту и не учить её предмет. Это была нарядная пышечка, с курносый носиком, а на нём пенсне. Эмма Васильевна Функе вела немецкий язык, по национальности немка, жила в деревне

Кург Н. М.

Из жизни педагога И. В. Егоровой (Плотниковой). Дневниковые записи

где-то за Лысой Горой. Одевалась неряшливо, носила холщовую сумку через плечо набитую книгами. На уроках её не слушали, подсмеивались, подшучивали над ней. В результате, когда мне пришлось сдавать немецкий язык в институте, я его не знала, поэтому пришлось всё учить заново, да и никто из нас его не знал. Досмеялись!

Герман Юльевич Каменский преподавал химию, прекрасно знал предмет, а классом не владел. Стыдно сказать, что только не делали мы на его уроках. Особенно, когда он ставил химические опыты. Иногда шутки были печальными.

Михаил Михайлович Михайлов преподавал русский язык в педтехникуме и методику русского языка. Учась в агропедагогическом техникуме, будучи на практике, я давала первый урок по русскому языку. Не знаю, какой это был на самом деле урок, но Михаил Михайлович как методист сказал, что из меня получится хороший учитель. И я его не подвела.

Были и другие учителя. Но моя память их не сохранила».

Агропедагогический педтехникум

В стране в начале 1930-х годов проходила культурная революция, требовались грамотные специалисты, кадров не хватало. Поэтому открывались техникумы разной направленности.

В 1930 году школа 2 ступени им. А. С. Пушкина была реконструирована в агропедагогический техникум. Возглавлял школу Владимиров Иван Владимирович, но недолго, проработал только год. Техникум располагался в здании бывшей гимназии (ул. Ленина, 20 – прим. автора). Многие преподаватели были те же самые, что и в школе 2 ступени.

Из дневника Ираиды Валентовны: «Учась ещё в школе 2 ступени, а потом год в агропедагогическом техникуме, мы много занимались физкультурой. В городе была создана спортивная школа. Размещалась она в здании бывшего склада на улице Пушкина (напротив бывшей милиции). Здание было разрушено в годы войны. Спортшкола была оборудована, имела большой зал, занятия шли регулярно с хорошей посещаемостью. Устраивались спортивные праздники, соревнования, работали разные секции. Я активно принимала участие в спортивной жизни города и художественной самодеятельности. У всех участников художественной самодеятельности были одинаковые синие блузы. Нас называли «синемолузами». Популярными были монтажи с чтением стихов, особенно Демьяна Бедного и других революционных поэтов. Пели революционные песни, частушки на злободневные

Курт Н. М.

Из жизни педагога И. В. Егоровой (Плотниковой). Дневниковые записи

темы, плясали, а после концерта устраивали танцы под пианино. Но танцевали мало, так как в то время не принято было танцевать. Больше устраивали игры и аттракционы. Было весело, заводилами были «синеглазники». Иногда выступали с большими концертами. Эти концерты проходили на Валу, в Летнем театре, иногда в клубе. Нас всегда хорошо принимали. Наш техникум назывался «агропедагогический». Предполагалось, что на селе выпускники будут не только учителями, но и агрономами. Хотя агрономические дисциплины нам не преподавали. Запомнилось – нас отправили в совхоз «Красный фронтовик» силосовать корма для скота. И в силосную яму засилосовали часы преподавателя. Это единственное, что я запомнила».

Первые учительские трудности

Первый выпуск состоялся в 1931 году. Выпускники учились только один год. С этого момента началась трудовая деятельность Плотниковой Ираиды Валентовны как учителя.

Из дневника: «Из первых выпускников состоялись как учителя единицы – Иванова Евгения Ивановна (математика), Луппо Василий (начальные классы, д. Соколово), Владимиров Михаил (начальные классы), Широкова Мария Кузьминична.

Меня направили работать в Астицкую начальную школу Красногородского района. Деревня находилась недалеко от границы с Латвией, стоял пограничный пост. Место мне сразу не понравилось. Большая школа стояла одиноко за околицей как крестьянское гумно. Ни деревца, ни кустика, ни постройки. Меня охватил ужас. На ту пору мне было 17 лет. Помещение школы включало два класса, больших, светлых, но зимой очень холодных, комнату учителя и кухню, где жила сторожиха Анюта. Учеников много, разных возрастов. Пришлось вести сразу четыре класса. Второго учителя не было. В класс ходили ученики-переростки, ростом выше меня. Новой методикой и прочими методами я не владела и стала учить учеников так, как когда-то учили меня читать, писать и считать.

Как трудно было начинать самостоятельную жизнь. Кругом чужие люди, которые с недоверием и жалостью смотрели на беспомощную девчонку-учительницу. Недоумение и улыбки вызывали у них мои вопросы: «Что за синие цветы на поле?» – «Лён цветёт», – отвечали. А в документах я и агроном. Не знала, как сварить картошку, чтобы она была сухой, из чего делают творог и т. д.

Курт Н. М.

Из жизни педагога И. В. Егоровой (Плотниковой). Дневниковые записи

Я выросла в городской семье, и меня к этому не приучили. Пришлось учиться простым истинам.

Поселилась в маленькой учительской комнатке в школе. В первую ночь просидела за столом, так как на меня набросились клопы, которые лезли отовсюду. Потом их с Анютой травили, но это было потом. Через несколько дней родителям написала письмо, чтобы меня забрали домой. В одну из грозовых августовских ночей появилась на пороге мама забирать меня, а я не поехала. Стало стыдно. Постепенно стала я привыкать к сельской жизни. Познакомилась с жителями деревни, а главное с ребятами. Сельсовет привёз дрова, родители их распилили, раскололи, сложили. Зимой перебралась на кухню, там было тепло. Зимние вечера коротали с Анютой, научила её вязать крючком. Иногда приходили девушки из деревни. И начинались посиделки. Кто вязал, кто пряд. Иногда я устраивала им читки».

Бурные годы 1930-1931 – годы коллективизации, годы обострения классовой борьбы. В этот водоворот событий попала и молодая учительница. В Астицах был организован колхоз. Но не все крестьяне вошли в него.

Из дневника: «Председателем избран малограмотный, молодой мужчина, из бедняков. Фамилию не помню, по имени Василий. Против него выступали местные кулаки. В деревнях часто проходили собрания или сходы, где ставился вопрос о раскулачивании крестьян. Проводить сходы приезжали уполномоченные из района. А иногда проводил Василий как член партии. Взяв вечером фонарь, он стучал мне в окно. И мы отправлялись в деревни на собрания. Я у него была за секретаря и вела протоколы. На сходах часто слышались крики, угрозы тех, кто был богат. Иногда сходы продолжались часами. Лампа едва горела. В спёртом воздухе, облаке сизого дыма от махорки, пахло овчиной, потом, грязной одеждой. Казалось, что всё это нереально и происходит не со мной. Ещё немного и я упаду. А сход шумел...

Страшно было шагать с фонарём в тёмной осенней ночи по колено в грязи или зимой отворачиваться от сильного снега и ветра. Одно утешение, что рядом шагал высокий плечистый человек, казалось, не знающий страха. Как-то я прихворнула и не могла идти с председателем на сход. Он пошёл один. А утром его нашли убитым. Это был шок. Видимо его караулили, а может убили бы и меня. Страшное было время. Ненависть и злоба душила тех, кто выступал против преобразований в деревне. Для меня это событие было ужасным потрясением. Хоронили его торжественно, всей деревней. Рядом с могилой посадили сосенки.

Курт Н. М.

Из жизни педагога И. В. Егоровой (Плотниковой). Дневниковые записи

В Астицах проработала год. И после каникул не вернулась. Безрадостный был год. Но он закалил меня.

Второй год учительской работы начался в Масловской начальной школе Звонского сельсовета Опочецкого района, в которой я проработала два года. Школа стояла напротив водяной мельницы. Шум воды доносился до классов. Здание старое, стандартное. Два класса были светлые, работали два учителя. Комната для учительниц, где я поселилась, и кухня, в ней жила техничка Аля, молодая, весёлая. Ученики были одного возраста. Уроки вела сразу в двух классах. Родители доброжелательные. Носили продукты, деньги не брали. Вначале было стыдно, но потом привыкли. Так было заведено со старины.

Деревня была большая. У мельницы постоянно толпились люди. Церковные праздники отмечали широко (особенно Покров), с плясками, песнями, частушками под гармошку. Частушки сочинялись на ходу, на разные темы. Но больше зазорные, комичные. Прекрасный богатый фольклорный материал. Мы, учителя, проводили работу с родителями, молодёжью, которые тянулись к школе. Устраивали вечера, даже ставили маленькие пьесы, концерты. При школе организовали ликбез. Крестьяне по вечерам ходили в школу учиться, особенно женщины.

Часто ходили в Звоны. Там был сельсовет и семилетняя школа. В сельсовете решали школьные дела, получали зарплату. В школе проводили кустовые семинары² учителей. Иногда приезжали на семинары учителя из Глубоковской школы.

Мне нравилась в Маслове природа – много леса, озёр. Особенно Крушининское озеро. Река, старая мельница, плотина, падающая с шумом вода. Это было так поэтично. Сразу вспоминалась опера А. Даргомыжского «Русалка». И, кажется, что из туманных вод реки или озера появятся русалочки...

Конечно, идеализировать деревенскую жизнь 1930-х годов не приходится. Много было грубости, темноты в умах людей. Пили самогон. Почти ни одна гулянка не обходилась без драк. А нецензурные слова были необходимым дополнением к разговорной речи. Бытовали случаи увода девушек с гулянки по согласию или насильственно. А потом играли свадьбу. Чуть и меня не увели с вечеринки. С трудом выбрались из дома. Бежали по лесу три километра зимой.

² Куст (перен.) – «организационное объединение». Кустовые совещания проводились, как правило, с участием нескольких районов в определённой местности, т. е. «кустовые» в переносном смысле – объединённые. (интернет-ресурс)

Прибежали в школу, и разобрал нас такой смех. Остановиться не могли. Перестали смеяться, когда в дверь стали стучать. Это «жених» с друзьями, долго стучали. Так закончилось моё сватовство».

В Опочке семья переехала на новую квартиру. Дом принадлежал Софии Львовне Фишер (ул. Кооперативная, 8). До революции Фишерам принадлежало три дома. Все дома сдавали внаём. Два дома впоследствии были национализированы. Квартира в доме была большая и удобная, хозяйка сдавала отдельную комнату неженатым молодым офицерам. За одного из них, Егорова Михаила Епифановича, в 1934 году моя мама, Ираида Валентовна, вышла замуж. Он служил в 166 стрелковом полку, расквартированном в Опочке.

Из дневника Ираиды Валентовны: «Я дорабатывала в Масловской школе и с 1 сентября 1934 года стала работать в НСШ учителем истории. Работу предложил Нил Петрович Петров, бывший директор Глубоковской НСШ. С ним встречались на кустовых семинарах в Звонах. Школа, в которую я устроилась, находилась в каменном доме рядом с военкоматом (бывший дом купца Варятова). Классы были на двух этажах. В 5 классе ввели историю Древнего Мира. Предмет новый, учебников не было³. Присылали разработки. Я учила материал, а потом рассказывала детям. С историей СССР было всё понятно, материал знакомый. Затем прошла курсы в городе Калинин. В 1937 году поступила в Калининский учительский институт на заочное отделение исторического факультета. Но его до войны не закончила. Были перерывы. Дети. Война. Образование пришлось получить после войны, закончив Великолукский учительский и педагогический институты с 1947 по 1957 г. Учительский институт закончила с отличием.

В 1937 году открылась на Завеличье новая семилетняя школа № 2. Весь наш коллектив перешёл в эту школу. Директором остался Петров Н. П., завучем – Корженевский Владислав Николаевич. Учителями работали: Иванова Евгения Ивановна (математика), Соловьева А. Н. (русский язык), Китаева Анна Александровна (русский язык), Протасевич Мария Федоровна (русский язык),

³ Совместное Постановление было принято СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15.05.1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». 09.07.1934 г. Секретариат ЦК ВКП(б) принял Постановление «О введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса Истории СССР». 27.08.1937 г. был выпущен учебник под редакцией Шестакова, который использовался в начальных классах школ вплоть до 1950-х гг. (интернет-ресурс)

Грушин (рисование), муж и жена Барановы (естествознание), Егорова Ираида Валентовна (история)».

В Латвии

В 1940 году в Европе полыхала война. Обстановка была тревожная. После присоединения Прибалтийских республик к СССР (1940 г.)⁴ расширились границы нашего государства. На новую территорию вводили военные части⁵. Мужа Ираиды Валентовны командировали в воинскую часть, которая находилась в Даугавпилсе (Двинске). Через несколько месяцев он перевёз сюда и всю семью. А семья была большая – мама, отец, трое детей, няня. Военное командование не обеспечивало приезжих офицеров с семьями жильём, снимали частные квартиры.

Из дневника Ираиды Валентовны: «Семья поселилась у богатого латыша, занимала полдома (3 больших комнаты). Латыши с предубеждением относились к нам – советским людям. Им казалось странным, что жёны офицеров сами стирают, моют полы, готовят и т. д. У них было представление о русских как о низших и невежественных людях. Наверное, мы сами давали повод так думать. Совершали необдуманные поступки (случай о красивых ночных рубашках, которые посчитали за платья). Хозяин по отношению к нашей семье относился более или менее уважительно, так как семья приехала из СССР с домработницей, они так называли няню. Жена офицера пол не мыла, была учительницей. Вскоре я устроилась на работу в русскую вечернюю школу преподавать историю. Трудностей в школе хватало. Все время и ученики, и я были напряжены. Доверия никакого с обеих сторон. Что они думали – вслух не выражали, но в глазах некоторых я читала неприязнь. Были, конечно, и доброжелательные, но и с ними держались сдержанно. Ничего удивительного, более двух десятилетий в Латвии царил буржуазный режим Ульманиса⁶. Его продолжали вспоминать латыши. Всюду в городе множество частных магазинов, которые ломались от товаров и продуктов, частные мастерские (хозяин имел большую столярную мастерскую), частные дома, рестораны и прочее.

⁴ 21.07.1940 г. была принята Декларация Латвийского Сейма о вступлении Латвии в состав СССР. (История Советской Конституции. Сборник документов 1917 – 1957 гг. М., 1957.)

⁵ По Пакту о взаимопомощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Латвийской республикой от 05.10.1939 г. Пакт предусматривал оказание друг другу военной помощи в случае нападения любой великой европейской державы. Латвийская республика разрешила СССР иметь военные базы и аэродромы на своей территории и ограниченный контингент вооружённых сил; обе стороны обязались не нарушать суверенитет государств. Пакт подписан на срок 10 лет. (интернет-ресурс)

⁶ Кáрлис Áугустс Вíлхелмс Ёлмáнис (23 августа [4 сентября] 1877 – 20 сентября 1942) – латвийский политический и государственный деятель. Четырежды занимал пост премьер-министра. После государственного переворота в 1934 году установил в стране авторитарный режим, который действовал в стране до ввода в Латвию советских войск в 1940 году. (интернет-ресурс)

Это был совершенно другой мир, о котором мы знали только по книгам. В школе работали две русские учительницы, жёны офицеров. Они меня поддерживали. Хотя школа была русская, говорили на латышском языке. А что говорили, никто не знает. Уроков у меня было немного, но зарплату получала хорошую. По латышским законам помимо заработной платы я получала отдельно на детей, а их у меня было трое.

Весной 1941 года мужа перевели в другую часть. Забрать нас сразу он не мог. Мы остались одни в чужом городе. Обстановка накалялась. Подняли голову фашиствующие элементы айзсарги⁷. В городе открыто говорили о войне. Тревожно, город наполнялся нашими войсками, но они быстро куда-то уходили.

В школе я проработала приблизительно год. 21 июня 1941 года, суббота, в школе выпускной вечер. Домой меня провожали учителя-латыши. По дамбе реки Западная Двина на запад шли наши войска. Учителя высказали предположение, что скоро начнётся война. А утром немцы стали бомбить город. Бомбы сбросили на товарную станцию и мост через Даугаву. Это был дикий ужас. Трое детей, мал-мала меньше (5 лет, 2,5 и 1 год). Что делать? Куда бежать? Побежала в военную комендатуру, город пуст, только кое-где в сквере сидят молодые люди смеются и, чувствуется, ждут... В комендатуре получила документ о немедленной эвакуации. Уезжать, ни часу в чужом вражеском городе, увозить детей. От мужа вестей никаких. Помощь пришла неожиданно от хозяина. Я не разобралась, да и некогда было разбираться, то ли хозяин пожалел нас, то ли побоялся, что в его доме живёт семья красного командира. Но помог! И я ему благодарна. Нашёл извозчика, помог вместе с хозяйкой собрать необходимые вещи, упаковать, отвёз на вокзал. На вокзале уже грузились русские семьи военнослужащих. Нам повезло, состав выскочил из-под бомбёжки. Мы должны были эвакуироваться в Среднюю Азию. Няня в вагоне постоянно плакала и уговаривала меня вернуться в Опочку. Мы высадились в Витебске. Из Витебска добрались до станции Дно, затем до Пскова. Прошло уже несколько дней войны, а мы всё мотаемся в дороге. На станции Псков творилось что-

⁷ Военизированное формирование в 1919–1940 гг., созданное по образцу финской полиции и военной организации. С 20.03.1920 г. по указу Временного Правительства Латвии и МВД, как организация самообороны в сельской местности.

Айзсарги – защитники подчинялись Министерству обороны МВД Латвии, военизированная добровольческая организация, которая привлекалась к полицейским акциям. Руководители организации принимали участие в государственном перевороте 15.05.1934 г. После образования Латвийской ССР распущена 08.07.1940 г. Восстановлена германскими оккупантами в мае 1943 г., привлекалась к проведению карательных акций. Ликвидирована в 1945 г. В 1991 г. возобновила свою деятельность (интернет-ресурс)

то невероятное – бомбёжка, хаос. Каким-то образом мы сели в последний поезд, который шёл на Идрицу через Опочку. Вещи сдали в багаж, они так и пропали.

С собой было кое-что. Ехали в почти пустом вагоне. 27 июня рано утром прибыли в Опочку (27 июня наша 46 танковая дивизия оставила Двинск). Я с тремя детьми и няней долго добиралась до Кооперативной, где проживал отец, так как станция находилась в трёх километрах от города. Шли пешком, двоих детей несли на руках. Старший сынишка шёл сам, тащили вещи. В городе тишина. Отец несказанно обрадовался нашему появлению. Но тишина была обманчивой, город бомбили. Немцы старались вывести из строя Барабанский мост. 3 июля по радио прослушала речь И. В. Сталина. Стало ясно, пережить войну в Опочке не придётся. Надо уезжать. Отец отказался уезжать из города. А через два дня (5 июля) ушёл из Опочки пешком налегке, бросив всё и свою любимую библиотеку. Дом сгорел. Хозяйка дома Любовь Фишер была немцами отправлена в гетто и расстреляна. Пешком он добрался до Калинина и был назначен главным бухгалтером в Кимрторге города Калязина. Там и проработал до августа 1944 года, до освобождения Опочки.

3 июля я в военкомате получила литер, и ночью на грузовых машинах вместе с другими семьями военнослужащих мы были отправлены в Пустошку. Перед этим у отца забрала подушку и матрас, на котором спали дети. Так с этой подушкой и матрасом я и пропутешествовала всю войну. В Пустошку приехали рано утром. Накануне станцию бомбили, детей посадила на скамейку у вокзала и приказала ждать меня. Побежала за билетами. Возвращаюсь к детям, а их нет. Вещи на месте, а детей нет. Сердце чуть не остановилось, ноги подкосились. Кинулась туда-сюда, спросить не у кого... Гляжу, а они ползают по рельсам и что-то тащат. Юра и Нина волокут завёрнутого в одеяло годовалого брата, подбегаю, а они говорят: «Тебя долго не было, пошли искать, страшно нам». Как ещё поезд их не раздавил. Через какое-то время погрузились в товарный вагон. Путь лежал на Великие Луки, по дороге бомбили. Опять повезло, проскочили. С Великих Лук ехали на Москву, из Москвы в Горький».

Так началась мамина, с тремя детьми, длительная, тяжёлая, с огромными человеческими потерями, болезнями эвакуация. Они выжили за счёт людской доброты. Горе объединило людей. Ну а это уже другая история.

Источники:

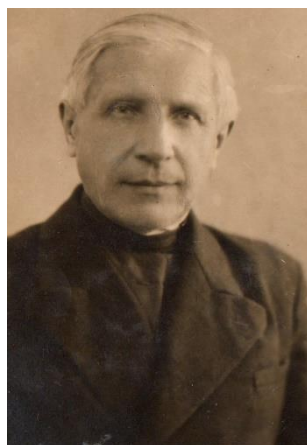
Воспоминания Кург Н. М.

Дневник И. В. Егоровой. 1960-1970-е гг.

Фото взяты из Опочецкого краеведческого музея и домашнего архива Кург Н. М.

И. В. Егорова (Плотникова)

В. Я. Плотников

М. П. Плотникова (Лапшина)

М. Е. Егоров

Дети. Нина, 2,5 г., Вова, 1 г., Юра, 5

И. В. Егорова.

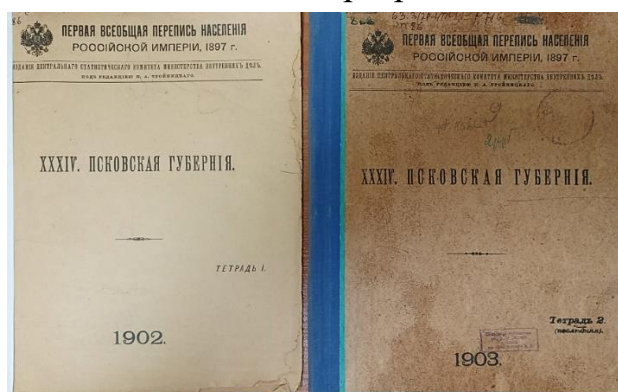
Кург Н. М.
Из жизни педагога И. В. Егоровой (Плотниковой). Дневниковые записи

*Ольга Сергеевна Григорьева,
учитель истории средней школы № 4,
заслуженный учитель РФ (Опочка)*

Опочка и уезд в конце XIX – начале XX вв. в зеркале статистики (по материалам переписи населения 1897 г.)

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. дала возможность собрать одновременно по общей программе с одинаковыми приемами и требованиями огромный и ценный материал, относящийся к географическому распределению, вероисповеданию, возрастному и этнографическому составу населения, его занятиям, бытовым особенностям. Она охватила 127 млн. человек обоего пола.

Итоги этой переписи в Псковской губернии содержатся в двух тетрадах. Первая тетрадь включает 6 таблиц: 1. Общее число населения в уездах и городах; 2. Распределение населения по хозяйствам и их состав; 3. Численность населения по полу и десятилетним возрастным группам; 4. Распределение населения по полу, возрасту и грамотности; 5. Дети моложе 1 года по месяцам; 6. Распределение населения по сословиям. В конце тетради размещена карта губернии, где указана густота населения и диаграмма с % грамотных. Тетрадь была напечатана в 1902 г., ее составителем является управляющий центральным статистическим комитетом Н. Тройницкий. Вторая тетрадь содержит окончание разработки данных переписи. Часть данных 2-й тетради повторяет 1-ю тетрадь. Опубликовано в 1904 г. Автор тот же, но указан уже как зав. разработкой переписи населения сенатор Тройницкий.

Городское население составляло 6,5 % населения губернии. Только Псков – губернский город – имел население 30 тыс. жителей, Великие Луки – 8,5 тыс. По численности и плотности населения Опочецкий уезд находился на 4 месте.

*Григорьева О. С.
Опочка и уезд в конце XIX – начале XX вв. в зеркале статистики
(по материалам переписи населения 1897 г.)*

Большинство населения губернии составляли женщины. На 1000 мужчин приходилась 1087 женщин. Опочка была исключением. Здесь на 1000 мужчин приходилось 996 женщин.

Численность населения
Общая численность населения Псковской губернии –
1 112 317 жителей

	Уезд	Численность населения
1.	Псковский	226 756
2.	Порховский	175 853
3.	Островский	161 877
4.	Опочецкий	135 654
5.	Великолукский	123 779
6.	Новоржевский	113 769
7.	Торопецкий	96 472
8.	Холмский	88 157

Плотность населения на 1 версту

- Площадь губернии – **37 971, 3**; уезда – **4 069, 9** кв. верст
- плотность населения в губернии – **29, 57** жителей на версту

	Уезд	с городами	без городов
1.	Псковский	44, 1	38, 17
2.	Островский	37, 15	35, 71
3.	Новоржевский	35, 03	34, 16
4.	Опочецкий	33, 33	31, 93
5.	Великолукский	29, 66	27, 63
6.	Порховский	29, 09	28, 17
7.	Торопецкий	18, 47	17, 06
8.	Холмский	15, 43	14, 4

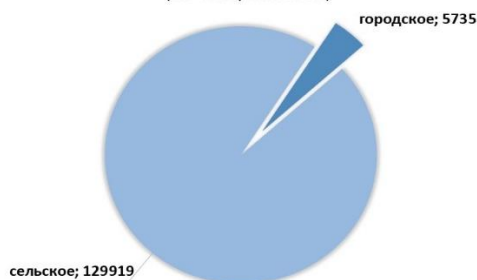
Значительная часть населения проживала в сельской местности. Городское население составляло менее 5%. По месту рождения население губернии делится на 2 группы – уроженцы уезда или города (их более 92 %) и неместные уроженцы (около 8%). Среди них большая часть родилась в Европейской России, но были и уроженцы Кавказа, Ср. Азии, Финляндии. Были и уроженцы иностранных государств. В городе этнический состав был более разнообразным, чем в сельской местности.

По вероисповеданию основная масса населения была православной. Но на территории уезда проживали старообрядцы, иудеи, католики, протестанты.

Преобладающее сословие, как в сельской местности, так и в городе – крестьянство. В городе крестьяне и мещане составляли 82 %.

Большую часть составляли лица до 30 лет – это около 65 % населения уезда. (Прим. В скобках указано городское население).

Городское и сельское население
(по числу жителей)

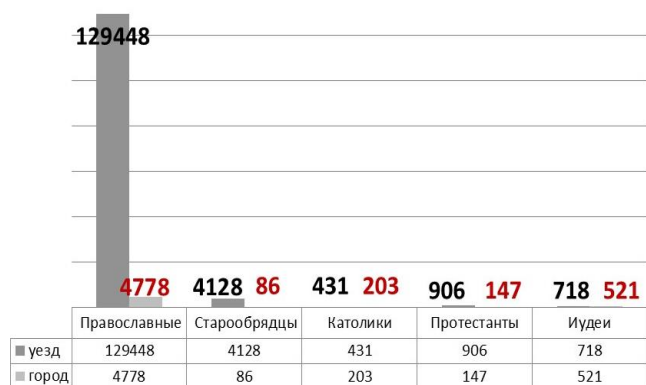

Этнический состав. Опочецкий уезд

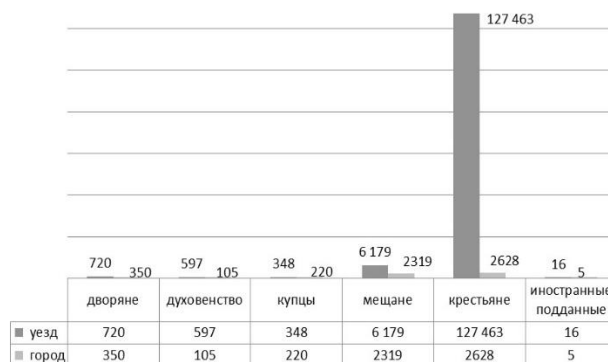

Григорьева О. С.
Опочка и уезд в конце XIX – начале XX вв. в зеркале статистики
(по материалам переписи населения 1897 г.)

Вероисповедание. Опочецкий уезд

Сословный состав. Опочецкий уезд

Численность населения по десятилетиям

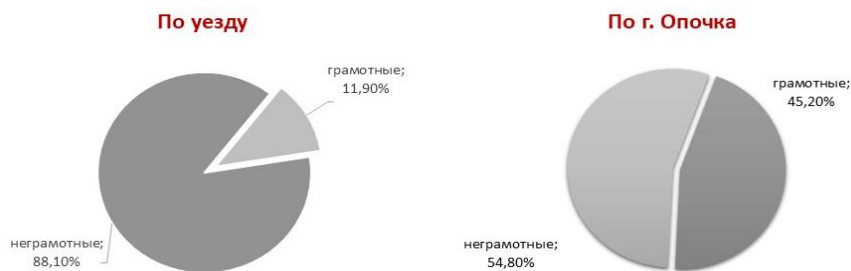
десятилетия	мужчины	женщины
До 1 года	2 221 (79)	2 129 (72)
1-9	17 180 (540)	17 475 (565)
10-19	14 692 (498)	15 674 (618)
20-29	9 472 (767)	11 073 (499)
30-39	7 840 (365)	8 775 (378)
40-49	5 683 (249)	5 960 (286)
50-59	3 880 (166)	4 100 (176)
60-69	2 814 (135)	2 821 (139)
70-79	1 288 (51)	1 281 (95)
80-89	490 (19)	504 (27)
90-99	116 (2)	114 (11)
100-109	9 (1)	18 (2)
Неизвестного возраста	24 (1)	20 (-)

Если в уезде грамотных было менее 12% населения, то в самой Опочке грамотных была почти половина населения города. Средняя грамотность по уезду составляла около 18%, что ставило уезд на 4 место по грамотности после Псковского, Порховского и Островского уездов (там соответственно 27,2%, 22,68% и 19,06%). Нужно отметить, что грамотными были в основном мужчины.

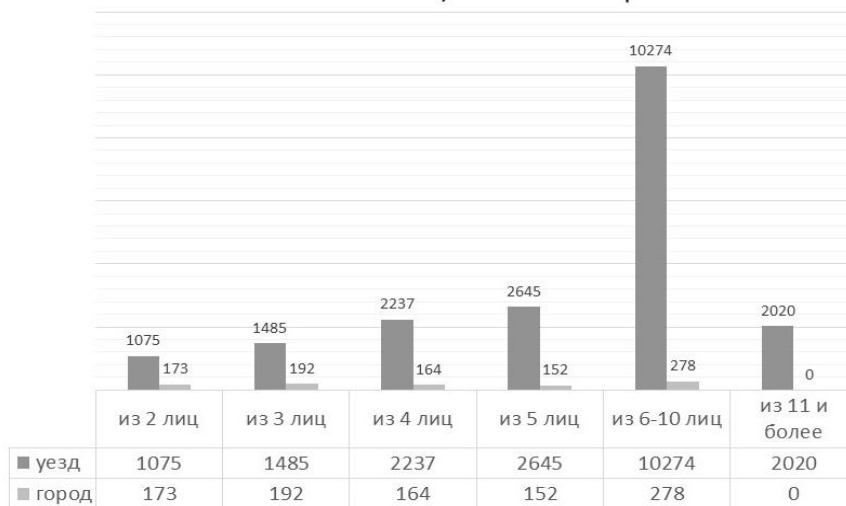
Общее число хозяйств в уезде – 20371; в городе – 1079. Из диаграммы видно, что большинство хозяйств, как в сельской местности, так и в городе, состояло из 6-10 человек.

Григорьева О. С.
Опочка и уезд в конце XIX – начале XX вв. в зеркале статистики
(по материалам переписи населения 1897 г.)

Грамотность населения. Опочецкий уезд

Число хозяйств, состоящих из:

Общее число хозяйств в уезде – 20 371; в г. Опочка – 1 079

О роде занятий жителей уезда дает представление следующая таблица:

Распределение по роду занятий

Группы занятий	В уезде		В г. Опочка	
	М	Ж	М	Ж
Администрация, суд, полиция	31	-	70	35
Обществ. и сословная служба	66	-	27	-
Вооруженные силы	24	-	429	-
Богослужение	24	-	16	2
Учебная и восп. деятельность	43	33	13	13
Врачебная деятельность	12	18	21	14
Земледелие	16 844	2310	56	1
Ювелирное дело	3	-	2	-
Извозчики	37	-	42	-
Торговля	75	17	9	-
Прислуга, поденщики	363	534	128	353
Трактиры, меб. комнаты, клубы	2	1	16	21
Проституция	-	-	-	7

Григорьева О. С.
Опочка и уезд в конце XIX – начале XX вв. в зеркале статистики
(по материалам переписи населения 1897 г.)

Марина Станиславовна Яковлева,
член Союза журналистов России
член Русского географического общества
президент краеведческого клуба «Отчий дом»
(Опочка)

Легенды о змеях. Предания и поверья (Опочецкий район Псковской области)

Аннотация. *Обобщен местный фольклорный материал о змеях: приметы, поверья, предания касательно этих пресмыкающихся; о лечении змеиных укусов знахарями и т.п. – из личного архива автора статьи и некоторых других источников.*

Ключевые слова: *змеи, огромные змеи, змеи с гривами, Опочецкий район/уезд, знахари, заговоры от змей, заговаривание змеиных укусов.*

В Псковской области обитает всего шесть видов пресмыкающихся. Это ящерицы прыткая (*Lacerta agilis*) и живородящая (*Zootoca vivipara*), безногая ящерица веретеница/медяница (*Anguis fragilis*), уж обыкновенный (*Natrix natrix*), медянка (*Coronella austriaca*) и гадюка обыкновенная (*Vipera berus*).

Веретеница и медянка занесены в Красную книгу Псковской области. [3]

К змеям в народе принято относиться если не со страхом, то всё же с опаской. И потому в местном фольклоре автору этой статьи не встретилось сюжетов о ящерицах (которые, как известно, не ядовиты и не кусаются), а вот о змеях было услышано немало. К ядовитым змеям в Опочечком районе причисляют даже безобидную медянку из семейства ужеобразных, утверждая, что это вообще самая опасная змея.

Естественно, что никто не хочет не то что быть укушенным змеей, но даже и просто увидеть её в лесу или на болоте. А потому, согласно местному поверью, входя в лес, следует точно припомнить, на какой день недели в текущем году выпал праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, и попросить у Богоматери помощи и защиты. Тогда наверняка змей на своем пути уже не встретишь.

С христианским праздником Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, который отмечается в православии 27 сентября по новому стилю, связано поверье о том, что в этот день змеи сползаются вместе и свиваются в клубки. И по этой причине за ягодами или грибами в этот день лучше не ходить.

А вот что рассказала автору данной работы жительница деревни Теребени Опочецкого района Лидия Ниловна Егорова, которая, к слову, не однажды в детстве слышала о том, что если змею убить – двенадцать грехов человеку спишется.

«Когда я была школьницей, однажды праздник 1 Мая совпал с Пасхой. Школу надо было украсить еловыми лапками. Собрались мы в лес. И тут Устиша (она в нашей Щемелинской школе-семилетке давала звонок – колотила по куску рельса железной палкой) говорит нам: «Сегодня Страстная пятница. Если принесете из лесу в школу еловые лапки – змеи следом приползут...»

Но мы, конечно, Устишу слушать не стали, пошли в лес, принесли лапок, стены украсили. А когда через два дня, после майских праздников, пришли на уроки, то увидели: у обеих дверей, ведущих из школьного коридора на улицу, лежат змеи, преграждая путь в школу...

Через много лет, уже в Теребеньях, понадобилось нам сделать изгородь. И мой муж отправился в лес за жердями, хотя была как раз Страстная пятница. Нарубил, привез домой, изгородь сделал. И что же? Поверье опять оправдало себя. И возле своей бани я змею потом заметила, и в картофельных бороздах, когда копать картошку начали, змеи лежали...

Так что в Страстную пятницу ничего из лесу домой приносить нельзя!» [2]

Любопытное предание о происхождении названия деревни Кишкино Опочецкого района и змеях рассказала автору статьи местная жительница Татьяна Борисовна Стакс.

«Деревня Кишкино потому так называется, что там всегда было много змей – они прямо кишмя кишели, потому и Кишкино.

Но рассказывают, что однажды проходил через Кишкино некий человек. Узнав о засилии змей, спросил: не встречали ли местные жители здесь белого змея?

Те ответили отрицательно: мол, никогда такой змеи не видели.

Тогда пришелец сказал:

– Я попробую змей в вашей деревне вывести.

Развел посреди Кишкина огромный костер, достал из мешка толстую черную книгу и начал по ней читать заклинания.

И тут как поползли к костру змеи со всех сторон! Бросались в огонь и сгорали.

Когда поток змей уже иссяк, вдруг, откуда ни возьмись, у костра появилась огромная белая змея. Колдун испугался и хотел бежать, но было поздно: белый змей убил его.

Так и не удалось избавить Кишкино от змей».

Автору этой работы приходилось слышать и другие истории о змеях. В том числе – о змеях, которые прыгают на людей с веток деревьев, о змеях в короне и с гребнем по хребту, об огромных змеях.

Неподалеку от Опочки есть урочище Коновалиха. Рядом с ним находится болото, в недавнем прошлом бывшее озером. Посреди болота, известного среди местных жителей как Глухое озеро, и до сего времени сохранился небольшой водоём.

В конце 1980-х годов погожим сентябрьским днем на это болото отправились за клюквой две пожилые жительницы деревни Бездедово современной Болгатовской волости – Мария Тимофеевна Тимофеева, по прозвищу Богданиха, и уроженка Сапульков Анастасия Вашикидзе (возможно, фамилия приведена не совсем точно, поскольку была записана на слух, но муж Анастасии был грузином).

Собирая ягоды, женщины вдруг услышали громкий хруст со стороны Коновалихи – как будто оттуда кто-то спускался. Они обернулись – и увидели огромного змея с красным гребнем на голове, им показалось даже, что змей дышал огнем! Ягодницы бросились бежать прочь со всех ног. И после этого случая в лес не ходили долго. [2]

От жителей округи деревни Духново (сейчас – Опочецкий район, ранее – Новоржевский уезд) несколько раз автор данной статьи слышал рассказы о гигантских змеях.

По словам ныне покойного опочанина Николая Павловича Кузьмина, пчеловод из Духнова Михаил Алексеевич Савельев рассказал ему однажды о таком случае.

Еще в те времена, когда существовал совхоз «Духновский» (дело происходило примерно в 1970-е годы), Савельев, будучи бригадиром, поехал однажды верхом в деревню Кунино, в одну из совхозных бригад. И неожиданно, перед самой деревней, его лошадь остановилась. И как её Савельев ни понукал, с места не двигалась. Он обернулся и глянул вниз. И видит: вокруг задней ноги лошади обвилась огромная змея и уже тянется головой к седлу! А голова эта – чуть ли не с гусиное яйцо!

Бригадир опрометью соскочил с лошади и кинулся в деревню. Рассказал в бригаде о случившемся. И местные жители подтвердили: да, здесь водятся огромные змеи.

Насколько известно, с лошастью ничего плохого не произошло...

Яковлева М. С.

Легенды о змеях. Предания и поверья (Опочецкий район Псковской области)

Уроженка деревни Лебединец (находится неподалеку от Духнова) Евгения Петровна Мурашова также сообщила о случаях встреч в этих местах с огромными змеями, не менее полутора метров длиной (гадюка обыкновенная чаще всего не превышает 65 см в длину. В Скандинавии встречались особи до 90 см в длину. — *Прим. М.Я.*).

По её словам, в 1950-е годы купался однажды в Лебединце, в небольшом озере, парень, Николай Алексеевич Осипов. И вдруг увидел, что за ним по озеру гонится огромный змей! Осипов утверждал потом, что у этого змея даже был гребень. Купальщику, впрочем, удалось благополучно оторваться от преследователя.

Выше была приведена легенда о том, как неудачно попытался избавить деревню Кишкино от змей заклинаниями некий прохожий знахарь. Но местные жители, однако, считают, что деревню от змей заговорить всё-таки можно.

Рассказывают, что много лет назад жила в деревне Рожново прежней Звонской, ныне Глубоковской волости Опочецкого района некая бабка, которая «что-то умела». И вот она якобы заговорила местные деревни Аристово, Рожново и Боровки от змей – до 2000 года.

К началу третьего тысячелетия от Рождества Христова сила заклęcia иссякла, и змеи в Аристово теперь время от времени заползают.

Это местное предание было записано студенткой Псковского педагогического института (университета) Светланой Александровной Фёдоровой во время фольклорной практики в нулевые годы. [2]

В народе широко распространено убеждение, что можно заговором спасти человека, укушенного змеёй.

Славу такого знахаря, успешно заговаривающего змеиные укусы, имел среди местных жителей, как ни странно, священник Введенской церкви в Утрётках (в прошлом – Опочецкого уезда, сейчас – Пушкиногорского района) отец Модест Павлович Лавров.

Он родился 10 мая 1875 на погосте Утрётки Опочецкого уезда Псковской губернии в семье протоиерея Павла Лаврова, настоятеля местного храма.

Окончил Псковское духовное училище и Псковскую духовную семинарию (1897).

С 25 января 1898 – законоучитель и учитель Печерской монастырской церковно-приходской школы.

С 5 октября 1900 переведён в Утретскую церковно-приходскую школу, где и состоял до назначения священником.

17 октября 1904 епископом Псковским и Порховским Арсением рукоположен в диаконы, а 22 октября 1904 – в священники в городе Пскове.

С 1904 – священник Богоявленского храма в селе Кунино Новоржевского уезда Псковской губернии. С октября 1904 также законоучитель и заведующий Кунинской церковно-приходской школой и Боровской школой грамоты.

С 27 ноября 1906 – член благочинного совета церквей IV округа Новоржевского уезда.

С 22 декабря 1908 – законоучитель Киевского земского народного училища.

12 августа 1910 переведён на погост Утретки Опочецкого уезда Псковской епархии.

С 1926 по 1936 – благочинный церквей II округа Опочецкого уезда (тогда приход относился к Великолукской епархии).

С 1936 по 1944 непрерывно служил при Введенском храме погоста Утретки Пушкиногорского района. С 1941 стал также служить на соседнем приходе – Терebene, в 15–20 км от Утреток, добираясь туда на службу пешком.

В 1944 храм в Утретках был взорван во время боевых действий. После этого отец Модест переводится в Воскресенский храм села Терebene Опочецкого района, но продолжает обслуживать оба прихода до 1947 года.

Затем стал клириком Санкт-Петербургской епархии.

С 5 ноября 1947 – настоятель Казанского храма в городе Луге, благочинный Лужского округа.

С 30 октября 1948 – штатный священник храма Смоленского кладбища в Санкт-Петербурге.

С 14 октября 1949 – настоятель храма праведного Иова на Волковом кладбище.

С 28 декабря 1949 – настоятель Троицкого храма «Кулич и Пасха».

С 24 января 1952 – настоятель Дмитриевского Коломяжного храма.

С 28 мая 1952 – штатный священник Никольского Большеохтинского храма.

С 28 июня 1960 – и. о. настоятеля этого храма.

В мае 1961 уволен за штат.

Скончался 28 октября 1967 в Санкт-Петербурге.

Погребён на Больше-Охтинском кладбище в Санкт-Петербурге. Могила на Воронежской дорожке. [4]

Хочется напомнить, что в храме Воскресения Словущего в Терехнях, где с 1941 по 1947 год служил отец Модест, как известно, похоронены родители великого русского полководца Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова.

Местные жители утверждают также, что отец Модест мог не только заговаривать змеиные укусы. Он вдобавок легко снимал со страждущих порчу и сглаз: мол, посмотрит, погладит – и всё как рукой снимет.

Довольно красочное и подробное описание самого процесса заговаривания змеиного укуса местным знахарем содержится в рассказе Павла Большова (одного из сыновей последнего владельца опочецкого пригородного имения Пашкино Павла Павловича Большова).

Здесь необходимо отметить, что внимания заслуживает и сам автор рассказа.

Павел Павлович Большов родился в 1902 году в Опочке, в дворянской семье. Происхождение перекрыло ему после Октябрьской революции дорогу к образованию. Но всю жизнь он увлекался филателией, нумизматикой, литературой, историей, ботаникой.

Из Опочки, где, по понятным причинам, Павел Павлович после Октябрьской революции и Гражданской войны оставаться не мог, он уехал в Сибирь, на Алтай, работал бухгалтером.

Тюрьмы, однако, всё-таки не избежал: был осужден по пресловутой 58 статье на 10 лет. В лагерях у Большова появилось много интересных знакомых – от ксендзов до профессоров. Там он выучил английский язык.

После освобождения поселился на Кавказе, в Нальчике, работал бухгалтером-ревизором, увлекался изучением природы и истории Кавказа, вел обширную переписку (ему писали даже из Китая).

Автор рассказов и повестей, печатался в местной прессе и альманахах.

Умер в 1986 году. [1]

Действие в упомянутом выше рассказе Большова, долгое время пролежавшем в частном архиве и опубликованном только в новом тысячелетии, происходит в 1920-е годы в тогдашнем Опочецком уезде, в восемнадцати километрах от Опочки.

Называется повествование «Рассказ десятника».

По сюжету, деревенскую девочку Саньку укусила змея во время похода в лес за черникой и, не видя иного способа спасти ребенка, родные обратились к местному знахарю старику Гарасиму.

«Долго отказывался дед, но всё же я его уломал. Веду к нам, под руку поддерживаю. Говорю ему: может, тебе взять с собой чего надо – траву ли, коренья? Дед только рукой отмахивается. Тут, говорит, в человеке сила должна выгнать силу змеиную.

Привел я его домой, кой-как на крыльцо затащил. Жена ко мне бросилась. Умирает моя Санечка. Глядим, а доченька на кровати раскинулась, нога раздутая, синяя-пресиняя.

Глаза закрыты, дышит тяжело, видно, без сознания.

Дед Гарасим подошел поближе, пощупал ногу.

– Плохо, – говорит, – поздно схватились, яд к сердцу подходит. Что ж, хозяйка, попробую, обещать не обещаю, а лечить надо. Жарь яишню с салом да водки достань. Мне большая сила нужна, а у меня, вишь, руки дрожат...

Жена по его приказу стряпает, а он сел на скамеечку возле постели. Обеими руками гладит Санькину ногу и что-то приговаривает, нам не слышать. Только одно слово «выйди» говорит, как приказывает.

Смотрю, деду тяжело. Раскраснелся, пот со лба течет. Задыхаться стал, кряхтит, а своё «выйди» повторяет. Потом повернулся к нам, говорит чуть слышно:

– Подыми меня, Сёмка.

Я его поднял и подвел к столу. Он сперва квасу попросил, потом есть начал. Налил ему водки с полстакана, он выпил, но немного. Мне, говорит, водка ныне вредна, да что поделаешь, когда силы на исходе.

Пошел к Саньке, а жена шепчет: смотри, Сёма, опухоль-то спадает...

Опять Гарасим за дело взялся. Ногу гладит, про себя что-то бормочет. Потом как закричит:

– Хозяйка, дай водки, скорее дай, силушка убывает!

Выпил дед полстакана сразу и закусывать не стал, видно, сильно она его взбодрила. Ногу гладит крепче и голос посвежел. Слышно, опять приказывает:

– Выйди! Выйди!

А дальше не разберешь.

Гляжу, а Санькина нога уже не грозového цвета, сильно посветлела, и опухоль спадает.

Храп слышим. Спит дед, голову свесил, спит – умаялся. И Санька наша тоже спит, лицо порозовело, дышит спокойно. <...>

На другой день опухоль у Саньки вовсе пропала. Держались только четыре ранки от гадючьих зубов, напоминая о себе болью. Эти змеиные памятки, зажившие, но оставшиеся красными шрамы, видны у неё и сейчас.

А у деда Гарасима это была последняя его земная работа. Видно, до конца истратил он жизненную свою силу, выгоняя змеиный яд». [1]

Думается, что фольклорный и литературный материал, связанный со змеями и представленный в данной статье, может быть полезным, в первую очередь, для краеведов-любителей и людей, интересующихся местным устным народным творчеством.

Кроме того, его можно использовать и при разработке экскурсий по Опочецкому району – он даст возможность сделать рассказ экскурсовода более увлекательным.

Источники:

1. Живое слово Опочки: Историко-литературный сборник / Составители С.Н. Кукунина, М.С. Яковлева. – Опочка, 2010.
2. Пресмыкающиеся Псковской области. <http://www.bio60.ru/uploads/files/p-esm-ka-iesya-pskovskoi-oblas-i.pdf>
3. Церковный некрополь. <https://church.necropol.org/lavrov.html>
4. Яковлева М.С. Опочка в зеркалах легенд: Предания, гипотезы, поверья. – Псков, 2016.

Валерий Павлович Гаврилов,
начальник бюро электроники, краевед
(Псков)

Крестьянство Опочецкого уезда. Воспоминания из будущего

Однажды, в очередной раз рассматривая старые фотографии на которых были запечатлены образы моих далёких предков, я вдруг поймал себя на интересной мысли.

Вот эти люди на пожелтевшем от времени картоне – это моё далёкое прошлое. А с их точки зрения я – их далёкое будущее.

Вот и получается, что, вспоминая прошлое, я вспоминаю его из будущего.

Все мои предки – крестьяне, насколько удалось выяснить, со времён Екатерины II жившие здесь, на опочецкой земле.

фото 1

Вот фото (фото 1) молодого человека в гусарской форме. Причём здесь крестьянство? Так ведь Гавриил Васильев, рядовой Лейб-гвардии Гусарского полка, есть крестьянский сын, урождённый деревни Пятницыно Глубоковской волости. Понятное дело, в те годы существовала воинская повинность, и молодые крестьяне должны были в назначенный срок явиться в призывные пункты. Там их ожидали медицинская комиссия и прочие проверки, в том числе на степень образованности.

Видимо, Гавриил Васильев обладал отменным здоровьем, был крепко сложен и смекалист. Ведь в гусары могли попасть далеко не все!

Как говорил Козьма Прутков:

- Хочешь быть красивым – иди в гусары!

Разумеется, одного желания было мало...

А на другом фото (фото 2) – Гавриил Васильев уже в гражданской одежде. Вполне себе аккуратно одетый, причёсанный. Вероятнее всего, судя по антуражу, фото сделано заезжим фотографом в конце XIX века или в начале XX. Вот так мог выглядеть молодой крестьянин Опочецкого уезда.

фото 2

Третье фото (фото 3) имеет целую историю. В детстве, рассматривая эту фотографию, я часто спрашивал отца: «А мой прадед Гавриил был за белых или за красных?» Отец отвечал уклончиво, и я понимал, что он и сам не знает ответа на этот вопрос.

Лишь совсем недавно я занялся поисками. С помощью опочецкого краеведа А. В. Кондратени удалось найти фамилию, место рождения. А поиски в материалах о Первой мировой войне позволили точно установить, что прадед мой, крестьянин Гавриил Васильев, не дожил до событий 1917 года.

В 1915 году он сложил свою голову у реки Меречанка, что недалеко от Бреста протекает. В тот день Новоржевский стрелковый полк вёл бой с противником.

Судьба моего прадеда Гавриила Васильева, крестьянина Опочецкого уезда, типична для того времени. Крестьянство составляло большинство населения Российской империи. Если в семье было более одного сына, молодым людям нужно было отслужить, затем, вернувшись домой, быть определённое время в статусе уволенного в запас. И уж если война...

После Первой мировой много вдов осталось в русских деревнях. В том числе и деревнях Опочецкого уезда. И очень многие так и остались одинокими, взвалив на себя бремя ведения хозяйства и воспитания детей.

Русское крестьянство. Так сложилось, что в представлении современников при этих словах вспоминается крепостное право, народ, который, как говорил гоголевский Плюшкин, «от безделья завёл вредную привычку – трескаться», помещики, изнывающие от безделья и порой совершенно не обученные грамоте и основам ведения хозяйства.

Однако в России далеко не везде существовало крепостное право. Не было его, к примеру, в Сибири и на Кавказе. Да и на Псковщине, в Опочецком уезде, в частности, значительную долю составляли экономические крестьяне, или, как их стали называть позднее, государственного имущества крестьяне. Они имели полную личную свободу, могли самостоятельно распоряжаться произведённым продуктом. Главное – заплати в срок налог и живи спокойно.

Гаврилов В. П.

Крестьянство Опочецкого уезда. Воспоминания из будущего

По большей части прослойка экономических крестьян сформировалась при Екатерине II, после проведения реформ, в результате которых значительные участки земель отошли от церкви в собственность государства. При этом жившие на этих участках монастырские крестьяне становились свободными.

Много ли было таких свободных крестьян в Опочецком уезде?

По карте от 1873 года (т.е. вскоре после отмены крепостного права) удалось выявить, что государственные земли, на которых жили и трудились экономические крестьяне, занимали довольно значительную долю.

Также на карте обозначены продовольственные крестьянские леса. Очень интересный термин, говорящий сам за себя.

Изначально в деревне Прушки (ныне Пружки) значилось 13 человек мужского пола. Пустошь Прушки была ранее в монастырских владениях.

Как правило, экономические крестьяне жили достаточно обеспеченно. Некоторые из них самостоятельно торговали даже с отдалёнными регионами (например, с Финляндией), чем вызывали недовольство купеческого сословия. Случалось, купцы подавали жалобы по этому поводу, но всё было законно. Экономическим крестьянам разрешалось самостоятельно реализовывать произведённый продукт.

На фото – типичное крестьянское хозяйство дер. Пружки. Большой дом на две семьи, въездные ворота и забор вокруг двора, хозяйственные постройки, амбар и гумно. Были, конечно, баня и колодец.

Дома строили добротнo, на фундаменте из гранитных валунов. Гранитным камнем был умощён двор.

Гаврилов В. П.

Крестьянство Опочецкого уезда. Воспоминания из будущего

Так выглядит дом уволенного в запас крестьянина государственного имущества Петра Ефимова (дер. Пружки). Можно отметить крепкий гранитный фундамент и очень высокое крыльцо. Дело в том, что подвальное помещение не заглублено в грунт, а находится в нижней части сруба, что обеспечивало гарантию не затопления грунтовыми водами.

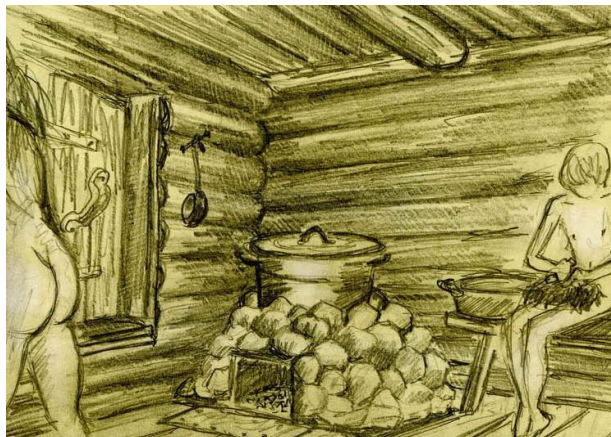
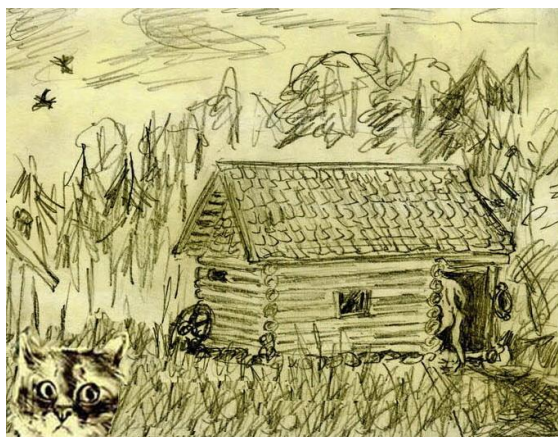
Хозяйство было крепким. Держали птицу, корову, овец, лошадь. В одной из надворных построек были установлены большие каменные жернова для помола муки.

Как правило, в деревнях имелись свои мастера. Так, в Пружках жил и работал кузнец. Мастер в своём деле. Рядом с домом Петра Ефимова жил местный портной, специализировавшийся на пошиве шапок и полушубков. Даже фамилия у него была подходящая – Пушнов.

Не все в деревне жили зажиточно. Была многодетная семья, которая охотно помогала вести хозяйство другим. И Петру Ефимову тоже. Работали добровольно, за еду. Наёмным трудом это не считалось. Просто помощники.

Крестьяне не только умели работать, но и хорошо отдыхали, когда случались праздники. Так было заведено, что каждый праздник отмечался в конкретной деревне, и на гулянку сходились из окрестных сёл. Можно было и сплясать, и спеть частушки, и познакомиться. Ну и силушку свою показать. Практически ни одна гулянка не обходилась без драки. Иногда доходило и до серьёзного, когда молодые парни кого-то или что-то не поделили.

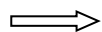
Особое место в жизни крестьян занимала баня. Бани были не у всех. Кто-то, случалось, мылся в печи. Другие неимущие ходили к родственникам и соседям. Бани топились по-чёрному. Часто мылись всей семьёй, не взирая на пол и возраст.

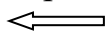
На рисунках (автор В. П. Гаврилов) представлен внешний вид и внутреннее обустройство типичной русской деревенской бани по-чёрному. Это банька в д. Секачи Глубоковской волости. Она и по сей день там стоит в зарослях деревьев и кустарника.

Помимо сельскохозяйственных работ, крестьяне находили себе и другие занятия, полезные и нужные. Женщины пряли и ткали, мужчины при необходимости брали в руки топоры и другие инструменты для плотницких и столярных работ.

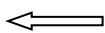
Предметы, говорящие о роде занятий сельчан: ступа, пест, домотканый половичок, коромысло из лёгкой прочной древесины,

инструмент для снятия коры с брёвен,

фрагмент инструмента, на рукоятке вырезан крест,

Гаврилов В. П.

Крестьянство Опочецкого уезда. Воспоминания из будущего

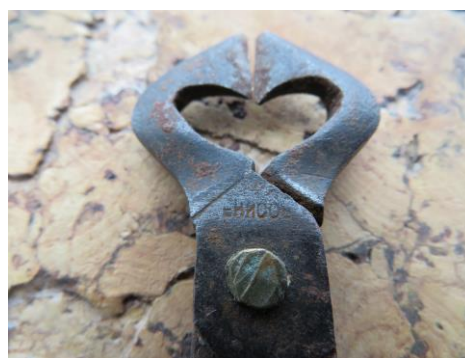
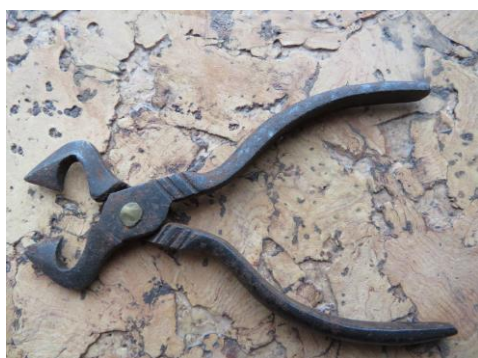
деревянный циркуль,
←

прялка и плетёный
кузовок
⇒

Суровой была жизнь крестьянина. Однако в часы отдыха эта самая жизнь была и сладкой, когда семья собиралась для чаепития за самоваром. Сахар в те времена был очень вкусен, но дорог. Как правило, сахарная голова хранилась в недоступном для детей месте, что, однако, не всегда препятствовало проникновению к лакомству маленьких сладкоежек.

Сахар кололи на мелкие кусочки специальными щипцами, которые изготавливали кустари-кузнецы. Как правило, мастера ставили своё клеймо.

Вот. Вспомнили. Окунулись в жизнь и быт крестьянства, на котором во все века держалось могущество России. Вспомнили из будущего.

Что-то будут вспоминать наши потомки из нашего будущего?

Гаврилов В. П.

Крестьянство Опочецкого уезда. Воспоминания из будущего

*Яблонскас Давид, 8 класс, Яблонскас Эсмральда, 7 класс.
Семёнова Елена Михайловна, учитель географии,
Кургина Галина Михайловна, педагог-библиотекарь
(Опочецкая специальная (коррекционная) школа-интернат)
(Опочка)*

85 лет на благо детей (из школьного фотоархива)

Учителем становится не каждый,
Не каждый может душу детскую понять,
Согреть ее теплом и лаской,
К ребенку ключик к сердцу подобрать.
Учитель должен излучать улыбку,
Пленить своею добротой,
Мальчишкам и девчонкам рассказать он может сказку,
Дать добрым молодцам совет простой.
И в повседневной жизни он – учитель:
В семье, среди друзей, в общественных местах.
Он кругосветный наш путеводитель,
По непроторенным, неизведанным путям.
Наставник, воспитатель иль учитель,
Ценитель просвещения наук.
Он опытный и классный руководитель,
Для всех детей он настоящий друг.

Сентябрь 2017 г.
Кургина Г. М.

Наш школьный дом уже 85 лет распахивает двери для девчонок и мальчишек со сложной судьбой.

Работа с документами школьного архива и особенно встречи с педагогами-ветеранами открывают для нас удивительные страницы истории нашей любимой школы.

В музее хранятся незабываемые мгновения школьной жизни, запечатлённые в фотографиях. Мы познакомим вас с историей школы периода 1950-90-х годов.

Яблонскас Д., Яблонскас Э., Семёнова Е. М.
85 лет на благо детей (из школьного фотоархива)

1952 г.

Здание по адресу: г. Опочка, ул. Набережная, д.1

Руководители школы:

- Баскокова Анна Васильевна

1937-1947 гг. (с перерывом в связи с оккупацией)

- Пантеров Трофим Михайлович

1947-1951 гг.

- Лупинина Зоя Михайловна

1951-1952 гг.

- Николаева Александра Сергеевна

1952-1985 гг.

- Михайлов Владимир Антонович

1985-2000 гг.

1949 г.

Педагоги Опочечкой Межрайонной
школы-интерната глухонемых
Великолукской области

На снимке:

Пантурова Маргарита Матвеевна,
Гордеева Валентина Ивановна,
Николаева Александра Сергеевна

Яблонскас Д., Яблонскас Э., Семёнова Е. М.
85 лет на благо детей (из школьного фотоархива)

1956 г.

На снимке:

Фесенко Наталья Яковлевна
Евгеньева Таира Михайловна,
Пантурова Маргарита Матвеевна,
Васильева Валентина Петровна,
Петрова Антонина Афанасьевна,
Винницкий Андрей Владимирович,
Гордеева Валентина Ивановна
Семёнова Олимпиада Кондратьева,
Иванова Мария Семёновна,
Харченко Мария Павловна,
Сафронова Валентина Васильевна
Харченко Николай Николаевич
Николаева Александра Сергеевна
Иванова Ольга Тимофеевна
Алексеева Ефросинья Афанасьевна

1958 г.

Первые выпускники со своей
учительницей Таирой Михайловной
Евгеньевой

выпуск 1967 года

На снимке:

Федорова Нина Платоновна
Васильева Валентина Петровна
Евгеньева Таира Михайловна
Галай Тамара Алексеевна
Иванова Ольга Тимофеевна
Федоров Василий Федорович
Попова Татьяна Александровна
Михайлова Валентина Васильевна
Винницкий Андрей Владимирович

Яблонская Д., Яблонская Э., Семёнова Е. М.
85 лет на благо детей (из школьного фотоархива)

Солдаты местной военной части и курсанты высшего военного училища, располагавшегося в то время в г. Опочка, шефствовали над пионерскими отрядами, были их вожатыми

1974 г.
- Пионерская дружина имени Клары Назаровой! Равнение на знамя дружины!

Старшая пионервожатая
Тамара Ивановна Петрова

1974 г.
В швейной мастерской учитель
Валентина Ивановна Строганова

1977 г.
Встреча с Героем Советского Союза
Мякшиным Геннадием Александровичем

1980 г.
Торжественный приём в члены
пионерской организации в квартире
пионерской организации в
квартире-музее В. И. Ленина в
г. Пскове

1993 г.
На снимке:
Егорова Лариса Алексеевна
Матвеева Людмила Никитьевна
Павлова Валентина Дмитриевна
Сидоров Вячеслав Петрович
Давыдёнков Клавдия Архиповна
Лыкосова Лидия Владимировна
Михайлов Владимир Антонович
Федотова Нина Платоновна
Базулина Любовь Александровна
Григорьева Ирина Васильевна
Семёнова Татьяна Ивановна
Бойкова Елена Владимировна

Закрывая последние странички школьного альбома XX века, мы оставляем в наших сердцах память о всех сотрудниках за их любовь и выдержку, тепло, которым они обогревали детей в самые трудные времена, за знания, которые открыли многим поколениям школьников двери в большую взрослую жизнь.

Яблонская Д., Яблонская Э., Семёнова Е. М.
85 лет на благо детей (из школьного фотоархива)

*Яблонскас Давид, 8 класс, Яблонскас Эсмиральда, 7 класс.
Семёнова Елена Михайловна, учитель географии
(Опочецкая специальная (коррекционная) школа-интернат)
(Опочка)*

В. И. Тамкевич: «Здесь одинокий мой приют...»

Мы продолжаем знакомить с творчеством литературного сотрудника газеты «Путь к коммунизму», лейтенанта медицинской службы (запаса), нашего земляка – опочанина В. И. Тамкевича, жившего в XX веке на ул. Ленина д. 29, кв.6, – доме-старожиле культурной эпохи г. Опочка.

Василий Иванович Тамкевич (07.01.1923 – 30 июля 1977) в своих стихах, фельетонах, письмах оставил потомкам огромное наследие о жизни нашей малой родины. Он был очень скромным, доброжелательным человеком. Много стихов посвятил жителям города Опочки. С особым чувством относился к своим соседям и дому на ул. Ленина 29 – месту силы, где рождались удивительные строки периода 1960-70 гг.

Здесь я живу

Второй этаж. Подъем без ноши
Не утомителен для ног.
Окрашен пол, настил наброшен:
порядок прост, хозяйски строг.
Налево дверь в мою квартиру.
Со мною ключ. Открыл, вхожу.
Я здесь живу, привычен к миру
и в два окна на мир гляжу.
Мужской очаг. О женской ласке
он позабыл давным-давно.
Все вещи в серенькой окраске.
Мой быт не создан для кино.

Яблонскас Д., Яблонскас Э., Семёнова Е. М.
В. И. Тамкевич: «Здесь одинокий мой приют...»

Живут мои соседи

Живут мои соседи, не питая
Ко мне ни чувства зла, ни доброты;
Живут, меня при встречах почитая.
Чего ещё, бобыль, желаешь ты?
Нет у меня и к ним претензий. Нужно
Благодарить судьбу: вселился в дом,
где все живут бесхитростно и дружно
И честным занимаются трудом...

27 марта (четверг)

В письме к другу Василий Иванович писал: «Ещё раз прошу: возвращайся сюда. Здесь у тебя опора прочная, всё близкое, родное. И люди не забыли Саньку Григорьева, а тем более дорожим тобою мы – Анна Ивановна, Илья Павлович...

...Для меня жильцы комнаты №7 были и остались самыми первыми соседями. Они ходят ко мне, я бываю у них, в нужде любой друг друга выручаем и о тебе всегда говорим с любовью, ждём тебя, хотим, чтобы служба у тебя шла удачно и закончилась быстрее».

Особой нежностью и любовью пронизана лирика Василия Ивановича в стихах о маме.

Маме

Ушла. И я прощального совета
Не услышал. Под тяжестью креста
Сломался. Будто наголо раздета
Судьбы моей заветная мечта.
И ни теплинки в окоме стылом.
Ни искорки. Кругом глухая мгла.
Любимая! Ведь ты о сыне милом
Заботами дотла себя сожгла.
Одна ты. И на свете нет похожей.
Запомни нет – отныне до конца!
В делах вдвоем. В мечтах – вдвоем.
О, боже!
Зачем такие разделять сердца?
«Зачем? Зачем?» – отскакивало эхо

От стен вокруг посмертного стола...
Я от тебя всю жизнь бы не уехал,
А ты рассталась на ночь и ушла.
Нет, не обида – ужас мне клещами
Сжал тело, кровоточат все места.
Не мыслями – шершавыми хвощами
Оброс мой мозг,
Спаяла скорбь уста.
Не повторится жизнь сначала –
Такое нам не суждено.
И я хочу, чтоб ты мерцала
Мне ясной звездочкой в окно.
Я подойду, зажгу лампаду,
С душой, ужатою на треть,
У подоконника присяду
И буду на тебя смотреть.
Смотреть, пока затмится рама
Текучеслезной пеленой.
Ты мне свети, со мною, мама,
Встречайся, правда, в час ночной.
Пусть ноша тяжело давит плечи
И слез не высушат ветра –
Сидеть и ждать с тобою встречи
Мне будет сладко до утра...
Уют мой мал, а мир не тесен.
Что встречу на своем пути?
Конец не страшен – он известен,
И до конца боюсь идти.
Меня вела ты. Я не знаю
С таким чутьем поводыря.
И если думать начинаю,
То эти думы просто зря!
Сутолокой сдавленный людскою,
Слабый и ненужный никому
Прихожу к холодному покою,
К вечному приюту твоему.
«Здравствуй, мама!»
Ой, какую стужу
Терпишь ты, укрывшись в глубине!

Встань, родная! Выгляни наружу,
«выйди к сыну Васеньке, ко мне.
Мама, я пришел к тебе не в гости –
Чтоб тебя отсюда увести.

Дом № 29, ул. Ленина

Вчера, сегодня, завтра

Поэма-монолог с автобиографическим сюжетом

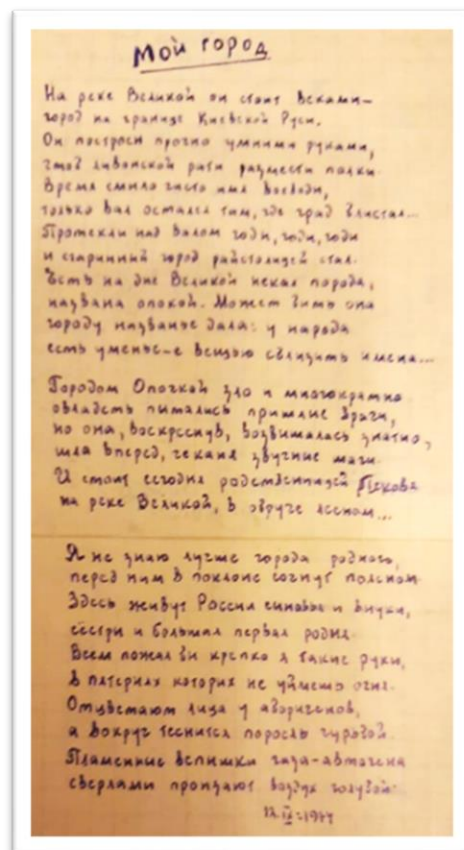
Был настил у дороги длинной
крепкий, каменный. Был верстаж.
А теперь от кладки старинной
Не осталось примет поклаж.
На трясущихся и бренчащих
деревенских телегах давно
не встречается. Из блестящих
смол дорожное полотно.
И бегут по нему, и мчатся
всевозможных марок авто.
Пешеходным путем встречаться
Люди стали быстрее, зато.
... Телеграфных столбов шпалера
вдоль шоссе промелькнула, пестря.
Лес. Массив торфяного карьера
канул в заросли, как в моря,
из багульника, мха и разной
мелколиственной мелюзги...
по обочине пыльной и грязной
здесь, когда-то свои шаги
мы печатали то лаптями,
то подошвами ног босых.
Путь в Опочку кишел страстями
На повёртках его косых.

Стихотворения про наш любимый город передают нам особую атмосферу разных эпох от возникновения в 1414 году до мощной стройки 1960-70 гг.

Мой город

На реке Великой он стоит веками –
Город на границе Киевской Руси.
Он построен прочно умными руками,
Чтоб ливонской рати разместить полки.
Время смыло чисто имя воеводы,
Только вал остался там, где град блистал...
Протекли над валом годы, годы, годы,
и старинный город райстолицей стал.
Есть на дне Великой некая порода,
названа опокой. Может быть она
городу название дала: у народа
есть уменье – с вещью сблизить имена...
Городом Опочкой зло и многократно
Овладать пытались пришлые враги,
Но она, воскреснув, возвышалась знатно,
Шла вперед, чеканя звучные шаги.
И стоит сегодня родственницей Пскова
На реке Великой, в обруче лесном...

Хайко Корней Иванович. Почётный строитель Нечерноземья

Я не знаю лучше города родного,
Перед ним в поклоне согнут полоном.
Здесь живут России сыновья и внуки,
Сёстры и большая первая родня.
Всем пожал бы крепко я такие руки
В пятернях, которых не уймёшь огня.
Отцветают лица у аборигенов,
А вокруг теснится поросль гурьбой.
Пламенные вспышки газа-автогена
Свёрлами пронзают воздух голубой.
(12.11.1974 г.)

Яблонскас Д., Яблонскас Э., Семёнова Е. М.
В. И. Тамкевич: «Здесь одинокий мой приют...»

Украшение города

Спросите любого, кто здесь побывал:
- А чем привлекла вас Опочка?
Услышите:
Там замечательный вал...
И дальше последует точка.
Но пусть ваш знакомый заглянет опять
В наш город – мы встретим с приветом.
Потом попросите его рассказать:
- Что нового в городе этом?
Он скажет:
В гостинице я ночевал –
Уют и в шелках абажуры.
Увидел опять замечательный вал
И дом настоящей культуры.
Стоит он на самом речном берегу,
Своей белизною сверкая.
Красавец! Я фото его берегу –
Смотрите, машина какая!
...А если, пейзажа пленясь красотой,
Он вскользь о новинке помянет,
Поверьте, не понял он радости той,
Которой живут опочане.

Покров

Не пожелав висеть до Покрова,
стекла с деревьев мертвая листва.
Трава упруга по утрам, как щетка, –
В нее мороз характер свой вложил.
И птица беззаботная – чечетка
Вещает мне, что буду жить, как жил.
Что ничего плохого впереди
не будет, а вестей хороших жди.
В Покровской церкви служба на заре
открылась. На поповском стане ряса
в смарагде, в аметистах, в серебре.
Гора свечей – в расход и для запаса...
Не значится Покров в календаре.

(14.10.73)

Яблонскас Д., Яблонскас Э., Семёнова Е. М.
В. И. Тамкевич: «Здесь одинокий мой приют...»

Чтобы понять поэта, надо попытаться понять эпоху, в которую он жил. Человек, живший рядом с нашими дедушками и бабушками, родителями, дядями и тётями, и их друзьями, обладал удивительным даром дарить свою душу, мысли, переживания окружающим людям, его по праву можем назвать человеком, дарящим свой мир другим.

Необыкновенно талантливый Василий Иванович Тамкевич сумел передать своим творчеством весь колорит Опочки второй половины XX века.

Настоящая жизнь

Страницы книги с шелестом листаю,
Вбираю в память строки и слова.
Я мало знаю. Больше знать мечтаю:
Все на земле морские острова,
Пока еще неведомые людям.
С людьми со всеми я хочу сойтись.
Сойдемся, все события обсудим,
Сроднимся и серьезно думать будем,
Что друг без друга нам не обойтись.
Презреть пустую жизнь с тоской щемящей,
Презреть и выход из нее найти.
С искателями жизни настоящей
Не раз я встречусь до конца пути...

(14.10.73)

Работа с архивом продолжается.

*Галина Михайловна Кургина, педагог-библиотекарь,
Опочецкая специальная (коррекционная) школа-интернат
(Опочка)*

Манит вдаль мечта моя...

Из биографии

Вернулась в родные пенаты из Калининграда более 20 лет назад. Л. Н. Чушева, директор учебного учреждения, радушно приняла меня в свой дружный школьный коллектив в качестве учителя начальных классов. Мне по жизни везет на добрых людей, так и здесь – встретила понимание, заботу и помощь в трудных жизненных ситуациях. Долгое время преподавала математику. В данный момент, на пенсии, закончив преподавательскую деятельность, работаю с удовольствием в школьной библиотеке, где меня окружают дети, книги и творческая атмосфера.

Иногда меня спрашивают, как я начала писать стихи? Мне трудно ответить на этот вопрос однозначно. Если заглянуть в глубину... Стихами интересовалась с детства. Это было мое первое знакомство с поэзией. В тетрадки аккуратно переписывала стихи из книг, делала вырезки из газет и журналов. В основном там были собраны стихи о дружбе и любви, о человеческих отношениях. Под многими не стояли имена авторов. Я долго и бережно хранила эти заветные тетрадки, иногда перечитывала. Позже, учась в старших классах, благодаря школьной программе, я прониклась и творчеством классиков, таких как С. А. Есенин, М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин. Нравились поэтические описания природы у Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, И. А. Бунина и др. И, конечно же, у меня были попытки написать что-нибудь своё. Учась в музыкальной школе, мне очень захотелось написать песню на стихи собственного сочинения. Ничего из этого не вышло, я перестала даже надеяться. Прошли годы. Отношение к поэзии у меня не изменилось, я по-прежнему люблю читать стихи М. Цветаевой, А. Ахматовой, А. Дементьева, Л. Рубальской, молодых авторов. Особенно, когда на душе тоскливо или наоборот, приподнятое настроение. Нахожу в них отклик моим душевным порывам.

Однажды, шесть лет назад у меня возникло желание написать маленькое стихотворение. Взяла блокнот, ручку, нашла уютное место на диване и написала первое стихотворение под названием «Манит вдаль мечта моя...». Я искренне удивилась такому «подарку судьбы» и стала уверять свою сестру Нину, что никакого таланта у меня нет, это «Божье провидение». Чтобы разжечь во мне

Кургина Г. М.
Манит вдаль мечта моя...

азарт к сочинительству Нина придумала игру. Предлагала мне начальные поэтические строки, а я должна была их продолжить, раскрывая тему. Так рождались строки стихов, такие как: «Скромный осенний букетик...», «Как приятно любоваться синевой морей», «Последние цветы в моем саду» и др. Дальше остановиться было трудно, поэтический дух меня захватил всецело.

Скромный осенний букетик

Скромный осенний букетик
В парке лежал на скамье,
Вспомнилась первая встреча,
Ты подарил его мне.
 К сердцу букетик прижала
 И улыбнулась в ответ.
 Ты прошептал тихо-тихо:
 «Лучше тебя в мире нет!».
В парке с тобой мы гуляли
И любовались луной,
Слушали музыку вальса,
Играл оркестр духовой.
 Ты согревал мои руки
 В тёплых ладонях больших,
 Ты целовал мои губы,
 Держа в объятьях своих.
Кануло в лето бывшее.
Где ты, мой друг дорогой?
Скромный осенний букетик
В памяти вечно со мной.
 В парке стояла осень,
 Деревья во всей красе.
Скромный осенний букетик
Остался лежать на скамье...

Мои любимые стихи А. Дементьева перечитываю неоднократно и размышляю.

«Никогда ни о чем не жалеете вдогонку,
Если то, что случилось нельзя изменить.
Как записку из прошлого, грусть свою скомкав,
С этим прошлым порвите непрочную нить...»

Соглашусь с автором не во всем, так как писать свои стихи стала, основываясь именно на воспоминаниях, жизненном опыте. Я не написала ни строчки, если бы не воспоминания, пережитые в прошлом, чувства радости и горя, неудачи и взлета.

Понять себя

Я не мечтатель и не фантазер,
Всего лишь страстный я искатель
Путей открытых, сказочных миров
И жизненных тревог я познаватель.
Ведь каждый человек ларец идей,
Идей безумных или приземленных.
В ком множество кипит страстей,
Иные – дни влачат в событиях скромных.
Интригам поддаемся напоказ,
Испытывая слабость превосходства,
Фортуна улыбнется – искры с глаз,
Вмиг вырастают «крылья сумасбродства».
Летим навстречу пламенных идей,
Преграды все преодолевая,
Горим огнем, как Прометей,
Дорогу к свету пробивая.
Понять себя пытаемся не раз,
Вникая вглубь души бездонной.
Взрыв чувств порой переполняет нас
И мы объять готовы мир огромный.

Часто задумывалась о душе русского народа, многогранной, неутомимой и в то же время нежной и ранимой. Так, в размышлениях, родились такие строки.

Загадочная русская душа

Порывиста, тверда, вольна,
Неповторима русская душа.
Не сыщешь ты нигде похожей в мире,
А может тем она и хороша,
Стремительна в своем шальном порыве.
Не обуздать ее порывистым ветрам,
Не укротить соленым океаном,

Кургина Г. М.
Манит вдаль мечта моя...

Могучим не сковать холодным льдам
И в пламени не раскалится жаром.
Загадочная русская душа,
Нежна, как утро на рассвете,
Любвеобильна, восхитительна, мила,
Как аленький цветок в изысканном букете.
Эх, знать бы, в чем сокрыта мощь,
В чем кроется пленительная сила?
«Руками голыми» ты душу не возьмешь
И не поймешь душевного порыва.
Как солнце согревает всех она,
Горит огнем вечернего заката,
Загадочная русская душа
Своей земле, безмерно, свята.

Кругом потенциальных ценителей моего творчества стали сестра и мама.
Вдохновившись их похвалой, мне хотелось писать больше и больше.

Рождались строки за строками, особенно, когда впечатления захлестывали.

Я иду по дороге

Я иду по дороге,
Навстречу ветрам и преградам,
Озаримая светом луны и солнца.
Мне для счастья много не надо,
Родниковой воды бы испить до донца.
Опоясать себя рушником из неба,
Красоту попросить у цветущей зари,
Одарила бы бодростью утро рассвета
И на крыльях любовь принесли журавли.
Я без страха смогу превозмочь расстояния,
С ветром справиться, с дикой тоской,
Мне для счастья много не надо
И не надо судьбы иной.

Февраль 2019 г.

О своих стихах могу рассказывать бесконечно, ведь каждое написано при определенных жизненных обстоятельствах, в зависимости от настроения, погоды и воспоминаний. Так, совершая многочисленные поездки в поездах, знакомилась с людьми, проникалась их судьбой, рассказывала о себе. Общение людей сближало, даже чем-то роднило. Свои воспоминания я превратила в строки стихов.

Кургина Г. М.
Манит вдаль мечта моя...

Пассажиры

Поезд мчится стремительно вдаль,
Отдаляя родных друг от друга,
У разлуки в запасе своя есть печаль
И тревог нескончаемых выюга.
 Бесконечность, бескрайность железных дорог,
 Поезда, полустанки, чужие перроны,
 Видна тень ускользающих рельс из-под ног,
 Стук колес нам чеканит иные законы.
Расстояние сближает в дороге людей,
В чью-то жизнь проникаешь случайно.
И чем дальше в пути, тем попутчик родней,
Вот уже вам доверена личная тайна.
 Здесь по-братски еду предлагают на всех
 И по-братски разделят и горе, и радость,
 Не важна здесь фамилия, должность, успех,
 А важно – понимание, экая малость...
Может статься – попутчики просто молчат,
Есть на это у каждого в жизни причина,
Все равно пассажирам ты искренне рад,
Что живешь не один в этом мире едином.
 Остановка, прощания час настает,
 Пассажиры друг другу желают успеха,
 Отправляется каждый в свой дальний полет,
 Так устроена жизнь и судьба человека.

Конечно, любая поэзия не обходится без любовной лирики. У меня тоже есть цикл стихов о любви, о женской доле.

Дарите женщинам цветы

Дарите женщинам цветы,
Ласкайте словом, нежным взглядом.
Признайтесь в искренней любви,
Осыпьте обаянья листопадом.
 Ведь женщина в награду вам дана,
 Для счастья, для семейного уюта,
 Как преданный хранитель очага,
 Сиянье праздничного яркого салюта.
Благословляйте женщину за ум,

Кургина Г. М.
Манит вдаль мечта моя...

За красоту души и вдохновение,
За трепетное сердце, что в груди
Хранит счастливые мгновения.
 Лелейте женские мечты,
 Восполнится их жизненная сила.
 Дарите женщинам цветы,
 Внимание ваше им необходимо.

Именно любовь спасет мир от разрушения, злобы.

Любовь приносит миру красоту

Любовь приносит миру красоту,
Она искрится, светится, играет,
Душевную раздаривая теплоту,
Друзей в свои объятия собирает.
 Возносим мы любовь на пьедестал,
 Колени преклоняем перед нею низко,
 Находим в ней мы совершенный идеал
 И подпускаем к сердцу близко-близко.
Любовь, как легкий, дивный ветерок,
Ласкает чувства, радует, тревожит,
Она, как яркий, светлый огонек,
Украшить нашу жизнь поможет.
 Любовь живет, не ведая преград,
 Ей возраст, время, расстояние – не помеха.
 Взаимная любовь – важнее всех наград,
 Рождает у людей признание успеха.
Рецепт напитка под названием «Любовь»
Хранится в тайне под семью замками,
Тем, кто открыл его, осыпан вновь и вновь
Несметными, любовными дарами.